

Евгений СТЕПАНОВ

Ира, белая герла
(рассказы)

МОСКВА
Издательство «Вест-Консалтинг»
2006

Евгений Степанов

Ира, белая герла: Рассказы. — М.: Вест-Консалтинг, 2006.
— 144 с.

Известный московский писатель и журналист Евгений Степанов — автор многочисленных книг, в том числе «Личная жизнь звезд» (1990), «Неизвестное про известных» (2002), «Лю» (2006), которые разошлись многотысячным тиражом.

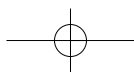
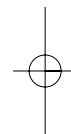
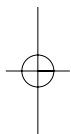
В книге коротких рассказов «Ира, белая герла» вы прочтете смешные (и не очень) рассказы о жителях большого города, о тонких хитросплетениях взаимоотношений мужчин и женщин.

Евгений Степанов — лауреат международной премии имени Давида Бурлюка за 2003 год.

ISBN 5—239—01107—5 © Евгений Степанов, рассказы, 2006
© Евгений Баранов, макет обложки/
Вест-Консалтинг, 2006
© Оригинал-макет/ Вест-Консалтинг, 2006

I

НАСЕЛЕНИЕ НАШЕГО ГОРОДА

НАСЕЛЕНИЕ НАШЕГО ГОРОДА

В нашем замечательном городе-герое капиталистического труда приспособлены для жизни лучше других, пожалуй, вороны, тараканы да крысы. И — люди, похожие на ворон, тараканов да крыс.

Все остальные здесь влечат жалкое существование. Или просто умирают.

Ворона стырит у кого-нибудь кусок сыра и улетит на верхотуру дома, никого к себе не подпустит.

Попробуйте хотя бы сфотографировать ворону — у Вас ничего не получится. Ворона осторожна, хитра. Инстинкт выживания у нее отменный, точно у настоящих зверей (людей)-мутантов.

Ворон, надо признать, все-таки меньше, чем тараканов.

А большинство людей похоже, по-моему, именно на тараканов — замечательных, кстати, в своем роде существ. Бегают тучные тараканы стада по клетушкам городских квартир, травят их безжалостно — да все равно тараканы живы. При случае радуются жизни.

Что же касается крыс, то это наше, так сказать, звериное дворянство, тенивики. Появляются крысы наверху очень редко, все свои жутковатые дела обстрипывают в зловещих подвалах, в темных подъездах. Но если появляются наверху, лучше им на пути не вставать.

Лично себя я в нашем милом городе чувствую самым обыкновенным (даже не олейниковским) тараканом. Иногда — когда удачно стырю кусок сыра — вороной. Не белой, самой обычной. Но я знаком и с несколькими крысами (чем, признаться, подобострастно горжусь).

P.S. Иногда в наш город прилетают инопланетные создания. В основном это ангелы. На крышах домов можно их изредка видеть. Смотрят ангелы на жите-бытье наше и плачут.

24.11.1995

Тверская

КОТЯ

Когда-то Котя был молодым и активным котом. Он жил в большой четырехкомнатной квартире в престижном районе Москвы, у доброго и богатого хозяина. Жизнь его была вполне комфортабельна. Хозяин любил и уважал Котю. За сообразительность, целебные свойства и независимый характер. Вместе с тем Котя пользовался большим авторитетом и во дворе, среди своих диких, бездомных сородичей. Котю боялись. И если он подходил к помойке, другие коты в ужасе разбегались, зная, что вставать на пути у Коти опасно.

В молодые годы у Коти было немало поклонниц, но только одна кошка — Наташа — родила ему двух миленьких, пушистеньких котят. Кошка Наташа была из очень хорошего дома, с отличной — польско-украинско-сицилийской! — родословной.

Когда котята немножко подросли, их (вместе с кошкой Наташей) купили немецкие друзья хозяина Коти и отвезли к себе домой.

Котя остался один. Хозяин от него ничего не требовал, ну только разве иногда попеть песенки да помурлыкать.

Котя старел, на кошек смотрел печально, удивляясь, что раньше столько времени бездарно потратил в уличных битвах за представительниц прекрасного пола.

Хозяин Коти общался со своими немецкими друзьями. Иногда они приезжали в Москву и даже брали с собой кошку Наташу и котят.

Вот тогда для Коти начинался праздник. Он играл с котятами, как молодой, мурлыкал с ними, рассказывал им смешные кошачьи сказки, не больно кусал их за ушки. Котята тоже радовались. Но иногда перегибали палку, заставляя Котю играть с ними день и ночь. Он уставал, у него начинали болеть глазки, он засыпал...

Когда котята и кошка Наташа уезжали, Котя плакал и мурлыкал свою самую грустную песенку. Потом он шел на

кухню, ел сосиски, запивал молочком, сворачивался калачиком и засыпал. Ему снились сны, что он опять играет с котятками и кошкой Наташей.

5.04.2000
Есенинский бульвар

ЛЕШКА, ПИСАТЕЛЬ

С Лешкой я познакомился около десяти лет назад. Работали мы тогда в одном, как сейчас говорят, Издательском Доме. Лешка в одной газете, а я в другой. Я писал ему в газету «левые» статейки, а он — мне. В общем, мы дружили.

Не могу сказать, что жили мы в те, первые годы «Перестройки», бедно, но и не жировали, конечно.

А потом наступило экстравагантное ельцинское время.

Я волей судеб стал заниматься бизнесом, рекламным в основном, а Лешка куда-то пропал. Не виделись мы года три.

И вот — звонок:

— Старик, привет, как дела? Хотелось бы повидаться!

* * *

На следующий день Лешка заехал ко мне. Мы попили чайку, потом он начал энергично и с некоторым упоением рассказывать про себя:

— Ты знаешь, старик, за этот год у меня вышло двенадцать книг, все разошлись чуть ли не за две недели. Я заработал за этот год пятьдесят тысяч долларов. Я вступил в Союз писателей. Знаешь, как было трудно, но меня все же приняли. Три тура я прошел. Членский билет сейчас даже ценнее, чем раньше. Поликлиники осталась, дома отдыха остались, все осталось. А еще я за этот год успел съездить в Париж, ездил со своим «самоваром» — с женой. Денег там

не жалели, пять тысяч «баксов» оставили. А что, старик, если деньги жалеть, то это не отдых. Через две недели я опять уезжаю в Париж. А пока должен немного еще позаниматься на новом участке, который тоже в этом году прикупил.

* * *

Я слушал Лешку, удивлялся его энергии, радовался его успехам.

Когда он уходил, то подарил мне все двенадцать томов своих сочинений.

Я открыл один том, второй, третий — это было что-то неудобоваримое, какая-то пустая трескотня.

1995
Тверская

АНДРЮХА, БАНКИР

Денно и ночью, ежечасно в Москву прибывают сотни тысяч юношей и девушек в надежде покорить этот новый Вавилон.

Денно и ночью, ежечасно из Москвы убывают сотни тысяч юношей и девушек, не сумевших покорить столицу.

Действительно, покорить ее удастся не многим.

Вот они-то и есть самые поразительные люди, которых я когда-либо встречал.

...Шла презентация банка «Коза ностра и демократия». Я наряду с десятками других журналистов задавал вопросы, руководители банка рассказывали о своих нелегких трудовых капиталистических буднях — банк праздновал юбилей. Трехлетний.

После пресс-конференции, как обычно, состоялся веселенький фуршет. Икорка черная и красная, крабы, жульены, осетринка, семушка, фрукты, водка всех сортов... Как положено в голодной и нищей стране.

Я поел фруктов, запил соком и было уже собирался уходить, как кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся. И даже сразу не сообразил, в чем дело. Рядом со мной стоял участник пресс-конференции, мордастый управляющий банка. Я заискивающе улыбнулся, мол, чего изволите? Неужели в нашей задрипанной газетенке нужно тиснуть заказную статейку, прославляющую великолепный банк «Коза ностра и демократия»?

Таких заказов, увы, давно не наблюдалось.

Управляющий пробасил:

— Не припоминаешь, стихотворец?

Я, действительно, припомнить не мог, сильно перепугался, начал улыбаться еще более подобострастно, почти как герой Игоря Ильинского — Огурцов — в фильме «Карнавальная ночь»: помните там сцену, когда Серафим Иванович заискивает перед высокопоставленным деятелем?

Мои коллеги, журналисты, стали смотреть на происходящее недоуменно. И с некоторой завистью.

Потом управляющий протянул мне визитку. На ней я прочитал: «Управляющий банка «Коза ностра и демократия» Андрей Иванович Агафонов».

Я все вспомнил. Да, передо мной, в самом деле, стоял Андрюха Агафонов, только он сильно раздался в плечах и наел, как бы сказал мой папа, будку. И вообще изменился до неузнаваемости.

...Когда-то мы вместе учились в одном номенклатурном (не важно каком) высшем учебном заведении. Я, как москвич, жил у себя дома, Андрюха прозябал в общежитии, в тесной комнатенке вместе с еще тремя студентами.

Мы обнялись. Мы не виделись пять лет.

После пресс-конференции на бронированном шестисотом «Мерседесе» мы поехали к Андрюхе домой.

Ну, как Вам описать квартиру? Как бы выразился мой друг Мишель Поздняев — можно играть в футбол. Сколько комнат — я не понял, но обратил внимание на то, что одна из них насчитывала явно не меньше семидесяти квадратных метров.

Мы выпили, закусили.

Андрюха начал рассказывать:

— Ты удивисься, но эту квартиру мы с женой (она сейчас за границей, а вообще-то тоже с Украины) сделали, когда я еще не работал в банке, а был фактически никем. Жене одна бабулька п о д а р и л а комнату, да-да-да, просто подарила, Танька так ей понравилась, что комната нам досталась даром. Правда, мы потом примерно год задаривали эту сударыню презентами, помогаем ей и сейчас. Комнату — без копейки доплаты! — мы обменяли на однокомнатную квартиру, однокомнатную — на двухкомнатную, двухкомнатную — на трехкомнатную и т.д. В эту пятикомнатную мы въехали три месяца назад, доплатив всего-то пятнадцать тысяч «зеленых». Наверное, нам в самом деле везет. Дома, как говорится, и родные стены помогают. Впрочем, в России уже, кажется, делать нечего. Мы сейчас с Танькой официально в разводе, она сделала фиктивный брак с пражанином, пробиваем чешское гражданство, точнее — вид на жительство. И будем в Чехии теперь покупать квартиру. Без вида на жительство купить там недвижимость нельзя. Подумываем и об Америке, планируем там родить ребеночка, чтобы у него был американский паспорт, а заодно и у Таньки. Вот так, старик. Ну а ты? Чем занимаешься? По-прежнему, как я вижу, журналист?

Я ответил, что хотя и грешил некоторое время рекламой, в основном все эти годы, действительно, занимался журналистикой, пописывал стишки и рассказы. Выпускал за свой счет книжки...

Андрюха слушал молча. И как-то грустно, сочувственно. После моего рассказа сразу же предложил свою помощь в различных проектах — в частности, и в обмене моей скромной квартирki гостиничного типа.

Я отказался, я ничего в своей жизни не обменял и не продал, я все воспринимал как данность. Есть так есть. Нет так нет. А были деньги — покупал то, что хотел и мог.

* * *

Вместе с тем я тоже предложил Андриюхе свою помощь... Он не отказался.

Буквально на следующий день я «свел» Андрея Ивановича с некоторыми моими знакомыми из Думы и правительства, с которыми я когда-то делал интервью.

А еще через несколько дней Андриюха заехал ко мне и подарил мне одну весьма ценную вещицу (не буду опять-таки уточнять, какую). Оказалось, знакомство с высокопоставленными деятелями принесло банкиру определенную пользу. И Андриюха отблагодарил.

* * *

Потом мы общались еще довольно долго. И каждый раз молодой управляющий находил время, чтобы отблагодарить меня даже за самую маленькую, самую пустячную помощь. Такой подход, сказать по чести, я встречал среди коренных москвичей крайне редко. И этот принцип мне очень понравился.

Увы, через год после той нашей встречи на пресс-конференции Агафонов вместе с женой отбыл в Нью-Йорк. Не исключаю, что вскорости Андриюха станет управляющим какого-нибудь американского банка, а, может быть, кем-нибудь и покруче.

1994
Тверская

ЛЕРА, ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

В круиз я попал на халяву, не заплатив ни цента. Я работал тогда в рекламном агентстве, мы разместили рекламу одной фирмы, денег у нее не было — взамен «кеша» нам предложили путевку.

Я, как один из начальничков, подсуетился. Поехал.

* * *

В каюте я оказался с «юношей» тридцати восьми лет, отправившимся путешествовать тоже по бартеру и с одной ярко выраженной целью: восполнить пробел в личной жизни — отдохнуть маленько от семьи.

Публика на корабле разделилась на несколько категорий.

1. Халявщики. Их от разных рекламных агентств и всевозможных изданий набралось немало.

2. Банкиры и др. предприниматели. Как говорит тетя Шура из соседнего подъезда — шпекулянты.

3. Бандиты. Пожалуй, их на корабле находилось подавляющее большинство. Если учесть, что вместе с ними ехал и весь обслуживающий персонал, как-то: девочки, артисты и т.д. Артисты вроде бы работали для всех, но вместе с тем ни у кого не возникало сомнений относительно того, кто их, артистов, реальные хозяева. И кто заказывает музыку.

Такая, значит, тусовка.

Как постсоветские небедные граждане проводили на корабле время? Наверное, так же, как на суше. Пили, ели, танцевали, слушали песни, крутили романы, трахались, играли в рулетку, купались в бассейне... Бандиты буравили суровыми взглядами мирных людей... Банкиры опасливо озирались по сторонам. В общем, каждый играл свою роль.

* * *

Мой компаньон вел себя корректно — из каюты выгонял довольно редко, ночью куда-то уходил, то есть спать мне давал.

Стран посетили несколько. Испанию, Италию, Францию, Турцию... Под конец путешествия они плавно слились в моем воображении в одно большое красивое пятно. В какой-то единый курортный милый городишко.

А интересный случай произошел на Корсике, на Родине Бонапарта.

* * *

Я, как всегда, ни на какие экскурсии не поехал — я люблю ходить в городе один, иначе просто не успеть сделать хороших фотографий (это мое хобби), посетить то, что хочу именно я.

Так вот, когда все поехали на экскурсию в некое горное селение, где мэр — коммунист (догадываюсь, какая там жизнь!), я отправился на прогулку по Аяччо, столице Корсики. И едва я дошел до небольшого дома, где жил в свое время Наполеон, увидел черную красивую кошку, в зубах у которой торчал конверт. Кошка подошла ко мне и положила этот конверт прямо передо мной. Я сначала оторопел, испугался. Оглянулся по сторонам — почему-то никого рядом не оказалось. Мы с кошкой остались наедине.

Я поднял конверт и вскрыл его. Там лежало письмо от Леры. Да, это было письмо действительно от нее. Коротенькое письмецо, написанное ее гениальным детским почерком. В письме было только несколько слов. «Приезжай скорее в Принстон — я тебя жду».

Не понимая, что все это значит, я бросился к ближайшему телефонному автомату и начал набирать номер Леры, моей бывшей возлюбленной, проживающей недалеко от Нью-Йорка, в небольшом студенческом городке Принстоне.

Я набрал ее номер и услышал в трубке непонятные звуки, напоминающие мяуканье. В ужасе я бросил трубку. И вернулся на корабль.

С тех пор я ездил вместе со всеми на экскурсии.

* * *

Интересно, что в Москве я еще раз решил позвонить Лере в Принстон.

На сей раз чей-то мужской голос по-английски сооб-

щил мне, что Лера переехала в Калифорнию, а свой дом теперь сдает.

Этот мужчина попросил больше не беспокоить.

11.11.1995

Тверская

БОБ, ИЗДАТЕЛЬ ИЗ КЕНТУККИ

Есть в Москве такая организация — «Дружба сильных». Занимается она тем, что устраивает профессиональные обмены между людьми различных профессий. И вот недавно мне повезло. Подобрали мне в этой организации представителя журналистского мира Америки.

Правда, оказался этот человек не вполне журналистом — оказался он и з д а т е л е м газеты, то бишь крутым, матерым капиталистом.

По условиям «Дружбы сильных» нужно обязательно принять гостя в своей квартире, иначе сам никуда не поедешь.

Я принять-то был не против. Но квартиру я тогда имел такую: двенадцать квадратов комната, плюс кухня пять. Ну и поскольку потолки были почти четырехметровые, сделал я себе нечто напоминающее второй этаж — на антресолях соорудил спальню и маленький кабинетик.

* * *

Американец приехал. Я его поселил именно на второй этаж — сам он туда почему-то попросился.

Началась наша совместная жизнь. Боб (или Баб, так он просил, чтобы я его называл) многого не понимал в нашей действительности.

...Соседи по обыкновению «квасили». И вели коллективный образ жизни. Набивалось в соседней сто десятой

квартире до пяти-десяти человек. Товарищи разных (кажется) полов выпивали и днем и ночью.

В день приезда Боба соседи традиций не нарушили — выпивали. Как всегда, весьма основательно. Многие часам к трем ночи «отрубались», то есть утихомирились. Один же (скорей всего, хозяин квартиры, бывший подполковник С/А Сан Саныч, я их всех уже по голосам научился определять) все никак не угомонялся. Он подходил к другому товарищу, шпынял того — сонного! — ногой и вопил: «Я хочу спать, чего разлегся, падла?!»

Эта фраза звучала монотонно в течение нескольких часов.

Под утро интеллигентный Боб робко поинтересовался: «Евгений, о чем говорят соседи?» Я сказал правду: «Один твердит другому, что очень хочет спать!»

«Странно, — вздохнул Боб, — я тоже хочу спать!»

* * *

Мы с Бобом вели постоянные разговоры о судьбах России и Америки, о женщинах и мужчинах, о детях и стариках, обо всем. Даже о философских материях. Боб стал меня уважительно называть философом.

Когда на следующий день соседи опять начали выпивать и громко выражать свои чувства, я элегантно пояснил Бобу, что они приступили к философским диспутам.

«Понимаю, — сказал Боб, — у вас вообще страна философов!»

* * *

Сорокалетний издатель Боб, надо сказать, оказался в принципе неприхотливым парнем. Ел то же, что и я, — картошку, колбасу, сосиски. И, видимо, сам удивлялся тому, что еще жив. Я в общем-то смутно догадывался, что там, на Родине, в США, Боб ест иные продукты, более, что ли, ка-

чественные. Поэтому по праздникам я от щедрот своих покупал ему пиццу.

* * *

Часто к нам приходили мои друзья.

Как-то завалился среди ночи скандальный молодой журналист Валерка Крыков с товарищем Пашей, мужчиной неопределенного возраста. Оба находились в состоянии полного алкогольного опьянения, но в силу большого профессионализма держались бодро.

— Ребята, — предложил Валерка, — прем по девочкам. Я плачу!

Я начал отговаривать Валерку и Пашу, стал подливать им чайку, подкладывать печеньица.

Ребята не сдавались. Очень хотели идти по девочкам и приобщить Бобыча (так Валерка тут же стал называть американца) к «высотам российской цивилизации».

* * *

Раздался очередной звонок в дверь. Это вошла Аня, моя соседка с четвертого этажа, сильно, мягко говоря, пьющая дама лет шестидесяти пяти.

— Мальчики, — пробормотала Аня, — есть пиво. Ебнете? Пошли ко мне, у меня там и кресла есть.

Крыков и Паша, счастливые от своей мужской неотражимости, потопали вверх.

Наш совместный поход по девочкам не удался. Но Валерка и Паша были пристроены. И довольны.

* * *

Была у Боба возможность знакомиться и с девушками более юного возраста. Каждая из них, правда, требовала от меня, чтобы я знакомил с холемым американцем только ее. Но что делать — у меня слишком много незамужних знакомых барышень.

* * *

Боб шел на знакомства охотно, приглашал (на словах) всех в ресторан. Обещал перезвонить, назначить конкретную встречу.

Пришлось ему ненавязчиво рассказать про наши цены. Я опять-таки сказал правду.

— За столик «баксов», — огорошил я наивного американца, — у нас в самом заурядном ресторане можно посидеть в лучшем случае вдвоем. Немного выпить и закусить. Без роскоши.

Боб оказался в шоке. По его словам, в их городке (Мейсвил, штат Кентукки) за двадцатку можно накормить в ресторане компанию из пяти человек, если не больше.

Так что в итоге в московском ресторане мы за все время визита Боба не побывали ни разу.

* * *

Через неделю Боб уехал. И напечатал в своей газете «Независимый лидер» статью под названием «Путешествие в Россию». Статья начиналась словами: «Господи, какое счастье, что я родился в Америке!..»

Я, честно говоря, даже немного расстроился. Может быть, я его плохо принял?

1995
Тверская

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Ответный визит Бобу я нанес спустя два месяца.

В его двухэтажном, тридцативосьмикомнатном доме мне было выделено пять...

Я представил, что чувствовал Боб в моем московском жилище.

* * *

Программа была очень насыщенной.

Первым делом Боб привел меня в магазин к своему другу Карлучо и купил мне почти полный комплект американской одежды. Брюки, пиджак, шорты и бейсболку. Я не сопротивлялся. Ну, в самом деле: дают — бери.

* * *

Потом Боб стал знакомить меня со своими родственниками. Неожиданно самый повышенный интерес ко мне проявили родители его герл-френд Мисси. Ее папа сразу пригласил к себе на завод, где он доблестно трудился инженером.

Приехали на завод. Работали там в основном негры. За десять тысяч долларов в год. Воняло — какой-то удушающей гарью! — на заводе хуже, чем в квартире у моего соседа Сан Саныча, когда он уходил в месячный запой.

Папа Мисси начал пространную производственную экскурсию, точно уговаривая меня устроиться к ним на работу. Долго говорил о производственных успехах заводчан, о том, что станки здесь самые современные, а некоторые даже из России.

После последней фразы он довольно посмотрел на меня, видимо, рассчитывая, что я как-то одобрю его речь. Но чувства патриотизма и благодарности во мне промолчали как немые, полагаю, просто потому, что уже примерно через полчаса экскурсии у меня заболела голова. Через два часа мне стало плохо.

Но виду я не подал.

Только захотел вступить в Коммунистическую партию США, чтобы защищать бедных негров.

Самое прекрасное в экскурсии было то, что она закончилась.

На прощание папа Мисси Билл подарил мне спортивную маечку.

* * *

Вечером того же дня Боб повез меня к своему другому другу, Фрэнку, который трудился, к моему ужасу, в шахте.

Мы надели металлические каски и под жутковатый вой стремительного хароновского лифта спустились в забой.

Там я, точно Хрущев или Кеннеди, стал разговаривать с рабочими, тупо и наивно спрашивая их:

— Легко ли Вам работается?

Рабочие почему-то отвечали, что легко. Поскольку за деньги. И за хорошие. Зарплата рабочих в шахте составляла тридцать пять тысяч долларов в год.

Вскоре мне опять стало плохо. Но виду я не подал. А только подумал: как хорошо, что я не шахтер. Даже американский.

* * *

Отдыхал я, когда все уходило из дома — дети Боба в школу, а сам Боб на работу, в редакцию единственной в их десяти тысячном городке газеты под гордым названием «Независимый лидер».

Для меня начинался праздник. Знаете, как ни странно, я успел оценить незамысловатую, но очень, по-моему, вкусную американскую еду — разные булочки, гамбургеры, мороженое в коробках... Холодильник находился полностью в моем распоряжении. Я набивал немудреной, но вкусной пищей свой непритязательный желудок и потихоньку начинал любить Америку, хотя с трудом понимал, что же я здесь делаю и зачем нужно, чтобы я лазил в забой или ходил на экскурсию на завод.

* * *

Самое странное случилось день спустя. Губернатор штата мистер Твистер неожиданно принял решение вручить всей нашей «сильно-дружной» делегации звание почетных граждан штата. Я позвонил по этому поводу одной своей знакомой в Нью-Йорк и похвастался.

Она сказала:

— В Америке такого звания добиваются годами. Мне кажется, ты все-таки еврей. А, может быть, даже хуже — ты скрытый еврей. Морда и паспорт у тебя русские, а нутро наше...

Видимо, она так порадовалась за мой выдающийся успех.

* * *

По вечерам мы с Бобом и Мисси пили в пабах пиво, ужинали в уютных недорогих ресторанах. В уикенды ловили рыбу на ферме Джека, родного брата Боба. Джек научил меня пользоваться спиннингом. Но я все равно ничего не поймал.

Когда я оставался один, я либо поглощал американскую пищу, либо предавался акту созерцания обыденной кентуккской природы. Из окна дома была видна огромная, как Волга, река Охайо, а также много берез. Я с удивлением обнаружил, что березы в Кентукки точно такие же, как у меня на даче. Существовало только одно наглое различие. В Америке они почему-то назывались — «берч».

* * *

Через две недели ответный визит тривиально закончился. Мы тепло простились с Бобом, и я благополучно вернулся на историческую Родину.

Диплом почетного гражданина штата Кентукки я повесил в туалете.

Некоторым моим знакомым девчонкам, приходящим иногда ко мне в гости, стало казаться, что я превратился в крутого.

24.10.1996
Тверская

СВЕТЛАНКА, ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ИНОСТРАНЦЕВ

Со Светланкой я познакомился около десяти лет назад, на юге, в знойной, сытой, благолепной (тогда) Болгарии.

Мы работали в одном издательском концерне, получили путевки и поехали.

* * *

Соблазнить ее — каюсь, каюсь! — мне, опытному женатому грешнику, удалось довольно быстро.

* * *

Болгария тех лет меня поражала. Мы путешествовали со Светланкой по старинным, маленьким болгарским городочкам, покупали вино по леву (считай рублю) за бутылку, смотрели на чаек, писали друг другу романтические стихи.

Ну и, конечно, постигали анатомические особенности друг друга. В номере, в душе, а ночью так даже в море и на безлюдном пляже... Словом, мы были молоды, жизнерадостны, глупы и, как ни странно, счастливы.

* * *

В последнее время мы встречались не слишком часто, но все же... Примерно раз в месяц Светланка по-прежнему одаривала меня своим нестареющим, оливковым телом.

После... мы долго беседовали. При этом тема для разговоров у нас за все десятилетие (после Болгарии) не изменилась, мы постоянно обсуждали, как, наконец, отправить Светланку за границу, то бишь выдать ее замуж за иностранца.

Ну не полюбила она замечательную нашу Родину, не увидела здесь никаких перспектив.

Перезнакомил я Светланку с уймой людей, но ее никто — ни русские, ни иностранцы — что-то до сих пор не устроили.

* * *

А вот недавно приезжал ко мне в гости Боб, издатель из Кентукки.

Нужно признать, что Боб проявил к Светланке самый живой, неподдельный интерес. Она, разумеется, тоже. Но поскольку Светланка — девушка интеллигентная, сразу у них как-то все не получилось. Боб уехал на Родину, но девушку не забыл. В последнее время стал звонить мне все чаще и чаще, спрашивая:

— Как поживает Света? Не собирается ли в Кентукки в гости?

При этом Светланке он не звонил, поскольку она, дурища, языка до сих пор не выучила. Так что я вынужден был выступать в незавидной роли переводчика, передатчика информации.

* * *

Вчера мы со Светланкой — улегшись у меня в кровати — долго и детально, в очередной раз разрабатывали план, как нам, наконец, окончательно и бесповоротно соблазнить Боба.

— Значит, так, Женек, — говорила Светланка, — мы едем в Америку вдвоем. Входим с Бобом в полный контакт. Он мною увлекается по-настоящему. Ты подводишь меня к спальне. Главное — довести до спальни. Понимаешь?

— Понимаю. А дальше?

— Дальше — дело техники. Конечно, вы, мужики, любите, чтобы вам говорили разные нежные глупости, а я все-таки английский знаю плоховато, но мне кажется, я найду, что сказать.

— Уверена? — робко проямлил я.

— Уверена. Но все же как-то страшновато, — неожиданно засомневалась Светланка. — Блин, как же мне без тебя

обойтись? Ладно, это я еще дома продумаю. А сейчас... Ты больше не хочешь?.. Мне одеваться?

Я ответил:

— Одевайся.

* * *

Когда Светланка ушла, я остался лежать на своей деревянной кровати и, тупо смотря в низкий потолок, размышлял. О том, как паскудно идет моя жизнь, идет и проходит, о том, что праздник заключается (см. Фазиля Абдуловича) только в ожидании праздника (как этого Светланка не понимает), о том, что бедной моей подруге, видимо, никогда не обрести своего заморского принца, а мне, увы, никогда ей не помочь.

Предавался я грустным мыслям недолго.

Раздался международный телефонный звонок. Звонил Боб. Он спросил:

— Как поживает Света?

1995

Тверская

ГЕНКА, САН САНЫЧ, ЯН АМОС И ДР. БОРЦЫ С ЗЕЛЕНЫМ ЗМИЕМ

Три года я прожил на Тверской-Ямской улице, в самом центре монструозной столицы.

Таких домов, как наш, в Москве осталось, я думаю, очень мало. Представьте себе — сталинская «пятиэтажка» (лифты наружу). На этаже — пятнадцать квартир. Единый огромный коридор. Квартирки крошечные. Общая (!) площадь каждой — девятнадцать (!) квадратных метров. Кухня и прихожая в одном лице. Комнатка две-

надцать метров, санузел совмещенный. Ванна сидячая. Но потолки — четыре метра.

Подобные апартаменты, например, в Праге называют гарсонками. То есть предназначены они для гарсонов, юношей младых, студентов.

Впрочем, все это не слишком меня расстраивало. Для меня было главное, что дом наш находился в самом центре города и на работу я мог ходить пешком. В самом деле — метрополитеном я тогда совершенно не пользовался.

Кстати говоря, моя старинная подруга балерина Лолита Ленских однажды поделилась со мной таким печальным соображением. «Никогда не задумывался, почему в метро так часто чувствуешь себя столь отвратительно, тяжело? Не только же оттого, что там душно. Не только! Ведь смотри — сколько земли перерыли, и в том числе, видимо, на территориях бывших кладбищ».

Я тогда в очередной раз убедился в прозорливости талантливой Лолиты.

* * *

Вернемся к нашим баранам.

Первый год моей жизни на Тверской-Ямской улице проходил очень спокойно. Я наслаждался свободой, много писал, приглашал друзей (и подруг) в гости. Некоторые люди, познакомившись в моей квартирке, потом поженились, нарожали детей. Словом, все шло хорошо. Неприятности были незначительные. Если конкретно, то иногда заливал Генка, сосед с четвертого этажа. Несколько слов о Генке. В прошлом он — подполковник милиции, бывший оперуполномоченный сто девяносто седьмого отделения. Проворовался, запил. Его выгнали. Он ушел в торговлю. После очередной удачной сделки Генка напивался.

Когда он меня заливал, я бежал к нему и вопил благим матом:

— Генка, открой! Заливаешь!

В

Он неохотно впускал меня в квартиру. Пьяный вдрибадан, хмуро бурчал себе под нос неизменное:

— Я абсолютно трезв, тебя не заливаю, посмотри — у меня все сухо.

Я знал — что такое «сухо». Я сразу заходил в ванную, выключал воду. И укоризненно, как школьный учитель, произносил:

— Ну, где же сухо?

— Извини, Жень. Только включил, — оправдывался Генка.

Дела шли у него не очень хорошо, удачные сделки совершались где-то раз в месяц, так что терпеть соседа с четвертого этажа было можно...

* * *

Яркая моя жизнь на Тверской-Ямской улице началась после того, как в соседнюю квартиру (с левой стороны) вселился новый жилец. Тоже, кстати, подполковник в отставке. Военный. Звали его Сан Саныч.

Мужик он был не плохой, в запой уходил редко, пил (как правило) умеренно, примерно два раза в месяц. После получения пенсии. Выпив стакана два водки, он замертво падал на деревянный пол. Тоненькие стены, разделявшие наши квартирки-клетки, тряслись, точно во время землетрясения. Но это меня тоже не особенно страшило.

Меня не устраивало только то, что у Сан Саныча в квартирке потихоньку образовался неформальный центр дворового алкоголизма. Все перлись к нему. И мужики, и бабы.

* * *

Особенно часто приходил некий Влад Коменский. Он очень любил петь. По ночам. Часа в два-три у него начинались распевки.

Я как-то с ним разговорился:

— Влад, по ночам петь нехорошо, спать не даешь.

Он:

— Понял, извини. И все же хочу тебе сказать. Ты, наверное, не знаешь, кто я такой. А я — крутой. Я ведь играл в ансамбле «Веселые ребята» у Паши Слободкина. А сейчас вот...

Он показал рукой на свой выдавший виды, замызганный костюм.

Я по глупости попытался проявить участие:

— Ну, а может, тебе опять всерьез музыкой заняться? Пить бы перестал!

— А кому она нужна, моя музыка? Для души только петь?

— Но ведь это главное — чтобы для души!

— Душа в порядке. Оболочка только изменилась.

Я не возразил ему. Но внутренне, конечно, с ним не согласился. Душа и тело едины. И все взаимосвязано.

Видимо, Влад прочитал мои мысли (недаром же говорят, что мысль материальна). И — проявил некую агрессивность:

— А вот ты? Ты отгородил свой угол железной решеткой (моя квартира была угловой, и я действительно отгородился). Закрылся от настоящей жизни. И думаешь, что счастлив? Ты счастлив?

Не помню точно, что я ответил.

Но мысль, прозвучавшая из уст Влада, показалась мне оригинальной.

Я задумался. В самом деле, а что же такое настоящая жизнь? Настоящее счастье?

Видимо, Влад имел в виду, что его-то жизнь как раз и есть — настоящая.

* * *

Через неделю, как сейчас помню, в пятницу, песнопения в квартире у Сан Саныча продолжились. Я не противился, спокойно слушал, радуясь тому, что эти люди не дают мне

спать, фактически заставляют работать — печатать на компьютере мои скромные рассказы.

* * *

Влад пел, я за стенкой печатал.

* * *

К Сан Санычу постучали. Влад испуганно прошептал:

— Сан Саныч, не открывай — это ОНА.

Я, заинтригованный, напряг весь свой слуховой аппарат.

Стуки в дверь повторились. Потом раздались крики:

— Влад, открой, открой, открой, я люблю тебя!

Я насторожился.

Мужики не открывали.

Женщина стала долбить в дверь ногами. Долбила минут двадцать. При этом она кричала:

— Сан Саныч, ведь Влад у тебя, открывай, я люблю его, я принесла деньги, да и вещи мои у тебя. Я люблю его, я люблю его!

Я вышел в наш общий коридор.

— Что случилось, гражданочка? — задал абстрактно-конкретный вопрос.

Передо мной стояла женщина лет сорока пяти, непричесанная, босая. На ее лице был явный отпечаток изнурительной борьбы с зеленым змием.

— Они там, там. Они не открывают, — буркнула она в пространство.

И — продолжила ломиться в дверь.

* * *

Они, наконец, открыли.

* * *

После этого за стеной раздались знакомые до боли звуки распятия спиртного.

* * *

Потом женщина вышла из квартиры Сан Саныча и почему-то закричала:

— Помогите, убивают, убивают!
Рядом с ней никого не было.

* * *

На утро я опять встретил Коменского (про себя я стал называть его Ян Амос). Он рассказал мне про эту женщину:

— Это моя сожительница. У нее есть муж, трое детей. Но она влюбилась в меня, приезжает сюда, я живу на четвертом этаже. Я ее выгоняю, а она меня любит. Кстати говоря, сегодня у нее День рождения, тридцатилетний юбилей. Заходи ко мне, отмечать мы будем у меня.

Я поблагодарил за оказанную честь, но, конечно, от приглашения отказался.

* * *

Недавно один из жильцов, приютившихся у Сан Саныча, умер.

Он жил у соседа в квартире где-то полгода. Пил, наверное, каждый день. Умер довольно неожиданно, лежал два три дня, не вставая, не пил, не ел, ни на что не жаловался, а потом не проснулся.

Пригласили мы оперуполномоченного Серегу, он один обслуживал весь наш разношерстный микрорайон. Серега засвидетельствовал факт смерти, вызвал эксперта и «труповозку».

* * *

Мент начал разговаривать с Сан Санычем.

— Кем Вам приходится умерший?

— Друг!

— Его фамилия, имя, отчество?

— Не знаю. Кажется, его звали Сеня.

* * *

Эксперт приехал часа через два, засвидетельствовал, что смерть не насильственная. От болезней. От каких? Да кто ж его знает, у него, наверное, их было с десяток.

Так эксперт обрисовал оперу ситуацию.

Начали ждать «труповозку».

Пока ее ждали — эксперт и опер шутили.

Эксперт:

— От чего умер человек? Вскрытие показало, что он умер от вскрытия. Кстати, действительно бывали такие случаи, когда человек умирал как бы не по-настоящему, врачи вскрывали труп, а сердце колотилось. Врача отдавали под суд. И — зря. Врач был не виноват. Просто так случается, что иногда у мертвого еще колотится сердце!

Потом речь пошла о зарплате. Оказалось, что оперу на руки давали семьсот тысяч, чуть более ста долларов, столько же получал и эксперт, правда, иногда выписывали, как он выразился, «лимон».

* * *

Потом ребята стали просто судачить за жизнь.

Эксперт все время повторял такую фразу:

— Мы живем по следующему принципу: плевал я на ваши законы. Но по какому праву! Так у нас все. Страна непуганых идиотов.

* * *

«Труповозка» приехала часа через четыре. Оpozнание не проводилось.

— Бомжей не осматривают, — пояснил «мусор» Серега. — Не до них. У них на тот свет путь прямой... Без лишних остановок.

* * *

В общем, это, конечно, было не очень приятно — жить по соседству с алкашами. Они (как правило, по ночам) гремели бутылками, стаканами, орали песни.

Лично меня они раздражали не очень, я привык. Но других соседей, видимо, огорчали сильнее. Например, Семена Ивановича — соседа со второго этажа.

Семидесятилетний Семен Иванович отличался спокойным и тихим нравом. Он работал смотрителем в каком-то литературном музее. Мы с ним всегда здоровались. Он приветствовал меня так:

— Здавствуйте, мой юный друг!

Я подозревал, что Семен Иванович — тайный дворянин, печать интеллигентности, благородства сияла на его длинном, пастернаковском лице.

Семен Иванович терпел Сан Саныча и К° долго. Не жаловался. Но однажды его прорвало.

Ночью (часа в три), когда у Сан Саныча веселье было в полном разгаре, Семен Иванович постучал ему в дверь и очень громко сказал следующие слова:

— Козлы вонючие, шакалы, говно, петухи. Если не прекратите тьявкать — замочу, на перо посажу. Вы разбудили во мне зверя.

* * *

Соседи замолчали.

* * *

Я все это слышал. И подумал: кем же раньше работал Семен Иванович?

Впрочем, этот вопрос мучил меня не долго. Семен Иванович, как и все мы, работал ЧЕЛОВЕКОМ, живущим в одной, отдельно взятой стране.

*1995 – 1998
Тверская*

САН САНЫЧ, ГЕРОЙ-АЛКОГОЛИК

...Встретил я как-то вечером своего соседа, тихого алкоголика Сан Саныча. Он сидел на скамеечке возле дома, задумчивый и благостный.

— Все, Женька, — сказал он мне, — уезжаю на дачу, дам тебе пожить нормально.

И в самом деле, через несколько дней куда-то отвалил.

* * *

А еще через несколько дней из его квартиры стал доноситься зловещий запах, откровенно напоминающий трупный яд.

Я перепугался. Жив ли Саня? А может, умер? И не по моей ли — хотя бы отчасти! — вине? Ведь сколько раз я бил ему морду за его пьяные кутежи вместе с другими алкашами.

* * *

Кто-то из соседей вызвал милицию.

Менты приехали ночью. Вскрыли дверь, но ничего не нашли. Встревоженная и бдительная соседка Клавка кричала:

— Ищите лучше, ищите лучше! У него там чемоданы стояли. Может быть, его убили, распилили и положили в чемодан?

Менты ничего не нашли. Уехали.

А запах не убывал.

* * *

Другая соседка, красивая Ирка, давала мне ценные указания:

— Женя, главное — не дыши! Трупный яд — это очень опасно. Глотнул такого воздуха и — на тот свет. Не дыши! Послушай меня!

Я пробовал «не дышать» — у меня, к сожалению, ничего не получалось. Озлобленный на свою нерадивость и запах трупного яда, я не знал что делать. Настроение в душе воцарилось паршивое.

* * *

Наконец, я не выдержал и уже сам вызвал милицию. Менты приехали рано утром. Я их встретил, показал рукой на квартиру, откуда доносился опасный, всепроникающий запах. Один мент сразу определил:

— Труп. Узнаю это «благовоние». Только вчера в морге был.

— Да-да, — подтвердил другой защитник правопорядка, — мокрое дело. Понятно.

При этом второй мент как-то странно посмотрел на меня. И неожиданно спросил:

— А Вы кто, собственно, будете?

— Сосед. Это я Вас вызвал. Дышать, понимаете ли, нечем, — нервно пробормотал я.

— А документы у Вас есть?

Я принес удостоверение.

Они все переписали и сказали неприятные слова:

— Ладно, пока свободны. Только из Москвы не уезжайте, можете еще понадобится. В случае чего мы Вас вызовем. На допрос.

Я чуть не заплакал от страха.

— Повесят еще на меня мокрое дело, — размышлял я. — Ведь все у нас на этаже видели, как я поколачивал и Санька, и всех его дружков-приятелей, как только они начинали «квасить».

* * *

Приперся я на работу. Я тогда трудился в одной «пиаровской» фирме. Рассказал все нашей секретарше, длинноногой, глазастой Полине. Она, как могла, меня утешила. Со свойственной молодости «дипломатичностью».

— Все будет нормально. Я это чувствую. Ничего не бойся. А в крайнем случае я буду тебе сухари в тюрьму носить.

* * *

Вернулся с работы домой от страха ни жив, ни мертв. С удивлением обнаружил, что возле подъезда нет черного «воронка». Был уже уверен, что меня должны забрать. Все-таки на всякий случай опять позвонил в милицию:

— Ну, как дела? Нашли труп?

— Нет, — ответил знакомый ментовский голос, — никакого трупа там нет. А вот бельишко Ваш сосед замочил. Носочки свои решил постирать. Хорошие такие носочки. Не волнуйтесь, мы там уже все убрали.

3.10.1996

Тверская

ИРА, БЕЛАЯ ГЕРЛА

Глаз я положил на нее сразу. Красивая белокурая голубоглазая герла. В моем стиле. И — очень, очень молодая. На вид: лет двадцать.

* * *

Я летел в Америку, в гости к Бобу, издателю из Кентукки. В Шереметьево-2 зашел в магазинчик просто поглазеть на прилавки. Она тоже просто глазела. А мой приятель Сережка Шахов (мы вместе летели в Штаты по линии организации «Дружба сильных»), оказалось, уже познакомился с красивой герлой, ну и, как водится у нас, мужиков, вешал ей какую-то милую развесистую лапшу на уши. Я невольно прислушался к разговору и понял, что красивая девушка тоже летит в Штаты и тоже по линии организации «Дружба сильных».

В немецком городе Франкфурт, где была пересадка, мы представились друг другу.

— Ира! — уверенно выпалила девушка.

— Женя, — забыв про должность и возраст, сказал я.

Через некоторое время Сережка оказался в тени.

Ну что поделаешь — он фотограф, говорит исключительно сухим языком фотографий, а я, как-никак, журналист, сочинитель, стихотворец. К тому же девушка в самом деле мне понравилась. Ну и распустил я, как говорит моя гениальная взрослая дочка, хвост.

Про что я только не плел бедной Ирочке басни. И про индейское племя, где я когда-то жил, и про Женевский университет, где когда-то учился и даже читал лекции (разумеется, я не сказал, что лекций было всего две), и про то, как учительствовал в сельской школе... И т.д.

Ирочка млела. И только повторяла:

— Это душевно, это душевно!

* * *

...В Америке мы пробыли две недели. Остались довольны визитом. На обратном пути опять встретились в самолете. Дорога предстояла длинная. Часов двенадцать. Делать в пути было особенно нечего. Ну, поешь хорошей еды, ну, послушаешь плохую музыку, ну, позыришь ужасный телек. А дальше? Конечно, мы общались. Тем более что это действительно доставляло нам радость. За двенадцать часов полета мы успели основательно подружиться. На подлете к Москве предусмотрительно обменялись телефонами.

* * *

А ситуация дома у меня вдруг осложнилась. Подлый сосед Сан Саныч опять приглашал к себе в гости своих проверенных и боевых дружков-алкашей и бомжей.

Пьянство и дебоши приобрели угрожающий характер.

Я геройски боролся с нахальными соседями неделю, да все безрезультатно. И тогда я прибегнул к достаточно серьезной и мерзко-стукаческой мере — позвонил своему другу, красноярскому авторитету Саше. И пожаловался. Так, мол, и так, Саша, выручай. Соседи совсем заколебали. Пьют, ломаются в стены, один, бывший солист ансамбля «Веселые ребята», орет песни исключительно по ночам и т.д.

* * *

Красноярский авторитет и добрый меценат Саша приехал с целой бандой. Его люди начали вышвыривать алкашей из соседской квартиры, при этом навешивая им туманов. Алкаши орали, но потихоньку уходили, растворяясь в нашем общем, длинном, как журавлиный клин, коридоре.

Почти все ушли. Мы присели с бандюками в моей квартирке, начали пить чай.

И как раз позвонила Ирочка, неожиданно сказала, что соскучилась по мне, и пожелала заехать в гости. Прямо сейчас.

Ну что я мог ответить?

Я по глупости и жадности продиктовал адрес.

А сам продолжил нервно пить чай с бандитами.

* * *

Я пил чай, а думал (нет, не об Ирочке) — о том, что ушли не все алкаши — чутье у меня за годы жизни на Тверской-Ямской улице стало звериным.

Я нагло крикнул соседу:

— Сан Саныч, если еще кто остался — даю пять минут, пусть уходят, либо всех вас изувечу!

За стеной воцарилось чуткое молчание.

Тогда я начал — уже один — ломиться к ним в дверь! Никто не открывал. Я взял топор. И вероломно, чувствуя свою защищенность и безнаказанность, начал вскрывать дверь соседа, крича при этом речи отнюдь не литературного свойства. Сзади меня стояли доблестные бандиты, защитники скромного журналистского дарования.

* * *

И как раз в этот момент в нашем общем коридоре появились три мента. То есть сцена возникла такая: я в шортах, в короткой майке и с топором в руке. Сзади меня — три бандита в кожаных куртках и в золотых цепях. А навстречу идут менты.

.....
.....
.....
.....
.....

— Ну и ситуация, — промелькнула у меня в голове тревожная мысль, — если менты отпустят, так бандиты порешат, скажут — навел.

Что же оставалось делать?

Самое разумное, что я предпринял — я не предпринял ничего. И не потерял спокойствия.

* * *

— В чем дело? — как-то не очень сурово спросили подошедшие менты.

Я сказал правду. Все, как есть. О том, что соседи заколебали, житья не дают, что пригласил друзей на помощь.

Менты отчеканили в ответ:

— А они жалуются на Вас, говорят — сосед их избивает.

Тут как раз Игорек, самый мерзкий алкаш, вылез из-за двери и на всякий случай твякнул:

— Да-да, избивает, а мы просто к Сан Санычу в гости зашли!

Ну, а рожа у этого Игорька такая: нос красный, синяки повсюду. И не понять сразу, то ли это от «водяры» у него появилось, то ли это я его так изувечил.

А меня уже понесло. Я заорал:

— Я тебя вообще скоро урою, падла! Мало я тебя «месил»!..

Потом спохватился. Думаю про себя:

— Что же это я говорю, тут же менты рядом!

А менты неожиданно оказались на моей стороне.

— Правильно, ребята, — сказали они, — пиздите их. И все. И вышвыривайте отсюда.

И как начали их сами в пинки выгонять. Алкаши только завопили:

— Это же мы вас вызвали, мы... А вы нас и бьете.

А менты их — в пинки, в пинки...

* * *

Я вздохнул. Хотел уже идти домой. И в это время дверь в нашем общем коридоре отворилась. И в него плавно втекла белая, как река, герла Ирочка. Она увидела ментов, бомжей, бандитов, ну и меня с топором в руке...

А услышала какие-то дикие вопли.

* * *

Ирочка закрыла дверь и побежала. Быстрее лани. Прочь.

* * *

Больше мы с ней не виделись.

* * *

Я звонил еще недели две, но к телефону никто не подходил.

1995
Тверская

ВАСЯ, ДАЧНИК

Вася себя преуспевающим мужчиной не считал, но жил он все-таки неплохо. Пребывал он круглый год на даче, в шикарном трехэтажном особняке, в Рузском районе Подмосковья.

Тех денег, которые в постперестроечные годы Вася сделал благодаря связям своей многолетней любовницы Татьяны Викторовны, ему на хлеб с маслом хватало.

Сейчас мы отвлечемся от этой женщины и поговорим собственно о Васином жите-бытье.

Это только кажется, что если ты нигде не работаешь, ты ничего не делаешь. И это только поверхностный человек не отдает себе отчета в том, что работать и зарабатывать — разные вещи.

Вася — зарабатывал. Он был простой российский рантье.

В свое время он положил энную сумму денег в один надежный и преуспевающий банк, где управляющим служил его институтский приятель, и жил на проценты. Выходило не много — три сотни «баксов» (в рублевом эквиваленте), которые исправно поступали ему на книжку. Снимая эти процентные деньги со счета (в деревне функционировал сбербанк), Вася и жил. И чувствовал себя вполне удовлетворительно.

* * *

Вставал он часов в двенадцать. Умывался ледяной артезианской водой, топил печь. После этого, как правило, шел в деревню за продуктами. Ел Вася довольно скромно — картошку, консервы. Старался покупать и фрукты, в основном апельсины.

Он готовил еду сразу на весь день — большую сковородку картошки с тушенкой. Этого хватало.

* * *

По вечерам Вася либо читал философские книги (Соловьева, Лосского, Хлебникова и т.д.), либо слушал музыку. Он очень полюбил в последнее время неоклассицистов, типа Эннио Морриконе, Стива Клайдермана, а также музыку Китаро. Мелодии уносили Васю далеко-далеко от Подмосковья, и он мысленно бродил по белоснежному, нежно-воздушному греческо-болгарскому городу Несебру, собирал ракушки и гладкие большие камни.

Иногда Васе казалось (почти как Декарту), что метафи-

зический сон превращается в явь, а явь в метафизический сон. Он не мог со стопроцентной уверенностью определить, где его и с т и н н о родная земля, кто его всамделишные пращуры. Хотя — и это, наверное, довольно странно — в Несебре — в земной видимой реальности — Вася был только один раз. На экскурсии. Экскурсия длилась всего т р и часа.

Впрочем, Вася пребывал в уверенности, что Абсолют ниспосылает нас в очередной раз на землю за тем, чтобы мы имели возможность взглянуть на те места, где были когда-то счастливы, где жили в прошлых своих воплощениях, в минувших эпохах.

* * *

Зимой в дачном поселке было упоительно тихо. Люди приезжали только в выходные. И Вася, очарованный дачник, смотрел на быстрые заячьи и лисьи следы, внимал беззлобным «доносам» красавца дятла, выходил на абсолютный контакт с пронзительным биополем берез и орешника. И — понимал, что, живя в лесу, он совершенно не одинок.

* * *

Вместе с Васей в доме жила кошка Маруся, которая сама пришла зимой в дом. Пришла и осталась. Причем она появилась только тогда, когда Вася доделал в доме печку.

* * *

Иногда к Васе приезжал его младший брат, довольно преуспевающий, жизнерадостный молодой человек по имени Сережа. И Вася, оторванный от суетного мира дачник, мог попросить Сережу, например, о такой любезности:

— Ты не мог бы обменять мне рубли на доллары, если, конечно, это еще можно сделать в Москве?!

Вася не читал газет, не смотрел телевизора, он находил-

ся в своем собственном измерении. И выйти из него не мог. И не хотел.

Большую часть времени Вася проводил все-таки в метафизическом сне. Либо просто спал. Ему снились все тот же Несебр, Крым (он учился в седьмом классе в Евпатории), его нерожденные дети, большой круглый семейный стол, за которым он никогда не сидел, веселье и смех.

Когда он реально просыпался, кошка Маруська лежала у него либо на груди, либо на плече.

Маруська очень походила на женщину.

Больше всего в жизни (это, конечно, шутливое преувеличение) Вася боялся, что «Перестройка» закончится и больше нельзя будет жить на ренту, а «тунеядцев» начнут сажать, как сажали раньше, в коммунистические годы.

* * *

Когда наступало лето, приезжало много дачников. Вася начинал сезонные работы. Кому-то полы настелить надо, кому-то просто бревна потаскать. Платили хорошо. Вася денег не откладывал. В основном их пропивал. Летние месяцы были запойными.

К зиме он приходил в норму и возобновлял свой созерцательный образ жизни.

* * *

Так текли годы.

* * *

Но однажды жизнь Васи изменилась. К одному из его работодателей как-то раз приехала в гости русскоязычная американка, эмигрантка «третьей волны». Ее звали Ирина. Было ей, как и нашему герою, сорок три года.

Роман между ней и Васей закрутился на удивление быстро. И через две недели Ирина и Вася вместе отбыли в Филадельфию.

Свою дачу Вася сдал. За четыреста долларов в месяц. Сразу на год. Кошку оставил младшему брату.

* * *

Ирина работала художницей. Уехала из Москвы восемнадцать лет назад, окончила Пенсильванскую Академию искусств, жила на то, что оформляла офисы в различных американских городах. Жила не богато, но и не бедствовала, конечно. В общем-то ей везло. Заказы не переводились. Хотя найти их в Америке даже дипломированному специалисту очень трудно.

Ирина имела небольшую (однокомнатную) собственную квартиру в Филадельфии и снимала просторную мастерскую неподалеку. В мастерской не было центрального отопления, но зато функционировали канализация и газ. Платила Ирина за мастерскую сто пятьдесят долларов в месяц. Это очень дешево. Хорошая цена, как говорят в Америке.

* * *

Ирина работала много, мазала, как она выражалась, краски.

* * *

Вася жил как прежде. Слушал любимую музыку, читал своих философов. Отдавал Ирине триста «баксов» в месяц. И жили они — не тужили.

* * *

Через год их совместной жизни Ирина полюбила другого.

Вася в Америке не остался. Вернулся к себе в Подмос-
ковье.

Маруську у младшего брата забрал.

1995
Тверская

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА, МАСОНКА

Как-то я прочитал в одной мудрой и толстой книжке о том, что все самые значительные люди в нашем грешном мире были масонами. От Пушкина до Клинтона... И вообще, то и дело слышишь — масоны, жидо-масоны... Даже страшно.

И вдруг.

Позвонила мне моя давняя подруга Татьяна Петровна Эстонцева и сказала:

— Женька, готовься к подвигам, я стала одним из главных масонов. Только называется это «Lions club», объединяет он солидных людей со всего мира, в Голландии вступительные взносы составляют двенадцать тысяч долларов. У нас — сто.

— Тысяч? — испугался я.

— Нет, «баксов». Срочно вступай. Ложа тебе поможет. Приходи к нам на очередное заседание.

И продиктовала адрес.

* * *

Я принарядился. Надел свой единственный пиджак и красную понтовую водолазку, которую мне Гришка, друг детства, подарил.

Пришел.

В фойе какого-то задрипанного кинотеатра сидело пять теток лет пятидесяти. Разговаривали о том о сем. Кто на ка-

ких концертах побывал, кто какую книжку прочитал и т.д.

Одна (понял по разговору!) жила в коммуналке, другая в Подмосковье.

— Хитрые бабы, — подумал я, — притворяются. Решили меня проверить. Комедию, так сказать, сыграть.

Я сидел и, как Штирлиц, молчал, в разговор не вступал.

* * *

На повестке дня, как говорили в комсомоле, стоял один вопрос — где и как членам клуба встречать Новый Год?

Одна тетка предложила:

— Давайте в ДК кондитерской фабрики «Большевик», там самая дешевая аренда, а зал огромный, можно уйму кавалеров пригласить, к тому же там недалеко какое-то воинское подразделение, солдаты и офицеры придут...

Татьяна Петровна, как вождь движения, не одобрила идею с ДК.

— Нет, дорогие львы, — сказала Татьяна Петровна, — ДК кондитерской фабрики — это не солидно. Львы мы или не львы, точнее львицы? Я знаю другое место, актовый зал Дипломатической академии. Это престижнее. Да и дипломатов там можно встретить, а не солдатушек-бравых ребятушек...

— Там дорогой зал, дорогой! — раздалось с мест.

— Это м о и вопросы! — интригуяще улыбнулась Татьяна Петровна, явно намекая на то, что благодаря своему обаянию сможет цену аренды значительно снизить.

Но остановились все-таки на ДК кондитерской фабрики. Именно из-за денег. Казначей клуба, загадочный кучерявый человек с монголоидными глазами Абрам Иванович Линик, объявил, что финансов в кассе практически не осталось.

— С прошлого года денежных поступлений нет, — развел руками лев-казначей.

* * *

Потом Татьяна Петровна представила меня. Как журналиста и специалиста в области рекламы.

Начались вопросы. Конкретнее — вопрос был один.

— Женаты? — как-то угрожающе спросила одна дамочка.

— Разведен! — бодро воскликнул я.

На лицах львиц расплылись довольные улыбки.

После этого мне показалась, что моя кандидатура будет утверждена мгновенно. Так и произошло. Меня зачислили кандидатом. Кандидатом во львы.

— Взносы, сто долларов, — твердо сказал казначей Абрам Иванович Линик, — можете принести завтра.

*3.12.1995
Тверская*

АРСЕНЬЕВ, ВРАГ ШПИОНОВ

С Арсеньевым я познакомился на закате, как мне тогда казалось, моей предпринимательской деятельности.

После того, как я поработал и в крупнейшей нефтяной шведско-американской фирме (директором московского представительства), и директором по рекламе крупных журналов...

Словом, после того, как меня благополучно отовсюду поперли, я кинулся в ножки к своему старинному товарищу, учителю по бизнесу, большому романтику в душе Юрию Николаевичу Быкову, и он меня (добрейший человек!) пристроил в одну из своих бесчисленных структур заместителем директора — как раз заместителем Арсеньева.

* * *

Уже при первой встрече на работе Вячеслав Сергеевич, включив во всю мощь гигантский телевизор, пододвинулся ко мне поближе и утрашающим тоном, каким-то зловецим шепотом (так что я чуть заикаться не начал) произнес:
— А я много о Вас слышал... В основном хорошего. Сразу же хочу предупредить Вас — говорите здесь только по делу. Нас подслушивают.

Я испуганно обернулся по сторонам.

А Вячеслав Сергеевич показал рукой на потолок:

— «Жучки». Но ничего, если что-то надо сообщить — пишите мне на бумаге, потом сжигайте, либо говорите при включенном телевизоре. Вот как я сейчас.

Так началась моя работа в рекламном агентстве, заместителем директора по связям с общественностью.

* * *

Делали мы все — ролики и растяжки над улицами, рекламные проспекты и заказные статьи, наклейки для бутылок и снежные городки для преуспевающих бизнесменов, и, конечно, искали рекламу для изданий, которые выпускал кормилец Юрий Николаевич.

Точнее, делали все это наши сотрудники (сотрудницы), которых было человек пятнадцать-двадцать. Гонял их Слава как сидоровых коз, заставляя приходить на работу к десяти, а уходить к ночи.

На меня это почему-то не распространялось. То ли Слава очень уважал (побаивался?) Юрия Николаевича, а я, как-никак, был его протеже, то ли еще почему.

Поначалу я и вовсе не часто ходил на работу. У меня был подчиненный по фамилии — не выдумываю! — Паразитов, который работал как настоящий корчагинец. Тащил рекламы он столько, сколько не тащило все агентство. Я только рапортовал. По вечерам нужно было сбрасывать ин-

формацию на славин пейджер, сколько заработано за день денег. Кто конкретно зарабатывал деньги — я или неутомимый Паразитов — мудрого Арсеньева не интересовало. Короче говоря, я только спал, писал стихи да смотрел телевизор, удивляясь тому, что геройскую фамилию Паразитов Господь дал не мне.

* * *

Но все хорошее имеет ужасный недостаток. Все хорошее, к сожалению, заканчивается на удивление быстро.

Бдительный Слава заподозрил бедного Паразитова в том, что он не рекламный агент, а похуже...

— Почему он тащит в контору столько денег? Кто на него работает? Почему фирмы, которые он «окучивает», все сплошь иностранные? Дело ясное — резидент!

Такие речи однажды обрушились на мою неподготовленную голову. Я не знал, как парировать. И даже, каюсь, сам потихоньку начинал верить в то, что мой милый подчиненный, худенький, сгорбленный Николай Александрович Паразитов — и в самом деле агент, а то и резидент какой-то зловещей иностранной разведки, может быть, даже беспощадного Моссада.

Хотя надо заметить, что сам Николай Александрович в частных беседах со мной не раз утверждал, что он старинного дворянского рода, проявившего себя достойно в служении отчизне. И при этом просил обратить внимание на то, как его зовут...

* * *

Дворянского шпиона (или шпионского дворянина) Паразитова уволили. Слава Богу, хоть не расстреляли. Легкая моя жизнь закончилась. И я вынужден был начать ходить на работу. Мне даже поставили рабочий стол, причем, как ни странно, в кабинете самого Арсеньева.

Все-таки я, как-никак, числился его замом.

Я стал ходить на работу, но не знал, что делать? Поначалу я обзвонил всех своих подруг и друзей, потом пристрастился к играм на компьютере, потом мы стали со Славой общаться.

Моя работа, как я сам определил, начала заключаться в беседах со Славой и в п р и с у т с т в и и на его переговорах с клиентами. На переговорах я, видимо, выполнял функцию благодарной публики. Должен был либо внимать, либо аплодировать. И главное — ...ничего не говорить.

* * *

Беседы с клиентами происходили разные.

Например. Зашел к нам какой-то бизнесмен, директор фирмы, попросил скидки на фирменные наши издания (которые издавал Юрий Николаевич).

А Славик в ответ:

— Я в бизнесе пять (иногда он говорил — восемь!) лет. Знаю все законы. Вот Вы хотите скидки. А ведь это неправильно. Это чересчур. Объясню! Я работал с Артемом Тарасюком, помните такого крутого бизнесмена. Знаете, весь первый состав его команды (когда он свои первоначальные деньги сделал) просто расстреляли — свидетелей убрали. Посредников. Они много знали. Кто убрал — не скажу. Это секрет. Но дело-то не в том. А в том, что если я дам Вам скидки, тогда я буду не просто свидетелем, я буду соучастником... Нет, нет, и не просите, не дам.

* * *

Или другой пример.

Пришел ко мне (просто поговорить) некий Алексей Шуриков. Он политик, философ, борец за идеи (они у него разные).

Пришел и, естественно, начал рассуждать о смысле жиз-

ни, о том, что наши официальные политики и философы до сих пор не выработали новой национальной идеи. А он, Шуриков, выработал.

Слава и тут спуску не дал:

— О чем это Вы, Алексей? О политике? Я Вам не помогу. Политика — дело опасное. Я не хочу свою голову подставлять. И тебе, Женя, не разрешаю. Я рекламировать Вас, Алексей, не буду.

Чуть бедного Шурикова не выгнал.

* * *

Все бы ничего, ходил бы я на работу да и слушал истории Славы, но дело в том, что моя ближайшая подруга Наташка Белянкина стала фактически начальницей Славы. Раньше-то она командовала рекламной службой только одного из журналов Юрия Николаевича, а тут ее взяли да и неожиданно повысили, сделали командующей всей многочисленной армии рекламных деятелей нашего Издательского Дома.

Фактически сразу после этого назначения Наташа и Слава поругались основательно. Ну и мне как другу Белянкиной (Слава это знал) перепало на орехи.

На следующий день Арсеньев издал приказ о каре за гипотетическое разглашение коммерческой тайны, а меня пересадил в другую комнату.

Вечером он мне позвонил:

— Старик, ты знаешь, конечно, почему я тебя пересадил. А вдруг ты что-то лишнее своей подруге про меня расскажешь? Да и проблема тут вышла. Твоя рекламная агентсеса Оля Савлова отправила счет фирме «Дьявол электроникс» за своей подписью. Белянкина это просекла. Говорит, что это форменный бардак (это и в самом деле бардак!). Но штука в том, что деньги уже к нам пришли (почему-то без НДСа). Белянкина орет, что это ее заказчик, а Савлова, мол, просто сумасшедшая. Я-то убежден, что это заговор,

понимаешь, за-го-вор. Заговор Белянкиной и Савловой против меня. Белянкина специально подставила Ольгу, отстегнула ей две тыщи «гринов», а сама слупила десятку (такова сумма НДСа) с «Дьявол электроникс». Таким образом она заработала деньги и мне насолила. Убила двух зайцев. Но я ей не ежик, тоже мне ежиков нашла. Честно говоря, я сначала подумал, что это ты все подстроил, но потом поразмыслил — тебе это вроде не надо. Так что пиши служебную записку. Мол, про «Дьявол электроникс» Савлова тебе ничего не говорила. И не обижайся. Я к тебе по-прежнему отношусь хорошо.

* * *

Служебную записку я написал.

Через некоторое время вся эта ситуация мирно разрешилась.

Оля Савлова просто перешла на другую работу. И все грехи благополучно списали на нее.

А со Славой я проработал еще довольно долго. Многое что узнал. Страшная, ребята, жизнь вокруг, страшная. Все друг за другом следят, все прослушивается. Прямо как у поэта Евтушенко: «Спешат шпионы-делегаты на мировой шпионский съезд, висят призывные плакаты — кто не шпионит, тот не ест!»

Кстати говоря, если Вы вдруг прочитаете этот рассказ, сожгите его немедленно, а еще лучше съешьте, вдруг это какая-то коммерческая тайна.

*31.01.1996
Тверская*

СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ, ФИЛОСОФ

Семен Семенович чувствовал себя несколько уставшим от всего, что преподнесла ему судьба. Ему исполнилось тридцать восемь лет, а ему казалось (видимо, справедливо), что прожил он уже несколько жизней.

Последние несколько лет он жил один. В центре Москвы, в солидной трехкомнатной квартире, доставшейся ему по наследству от дедушки, который в свое время занимал весьма ответственный пост в каком-то министерстве.

Семен Семенович работал фотографом в журнале мод, но считал себя прирожденным философом, потому что любил разговаривать о жизни со своими друзьями.

* * *

Личная жизнь нашего героя протекала странным образом. У него было примерно семь женщин, с которыми он одновременно поддерживал связь, то есть разговаривал по телефону, ходил в театры, иногда в близлежащее кафе (рядом с домом). Примерно раз в месяц каждая из них приходила к Семену Семеновичу в гости и происходило то, что иногда должно происходить между мужчиной и женщиной. То есть женщина как таковая приходила в дом практически каждую неделю. Одна из семи. Круг своих пассий Семен Семенович не расширял. Все были довольны. Женщины ничего от Семена Семеновича не требовали. С теми, кто что-то требовал, он просто не общался.

* * *

Странное дело — Семен Семенович два раза был женат, и обе жены сбежали от него за границу — одна в Голландию, а другая в Израиль. Поначалу он сильно переживал по случаю бегства своих жен (каждой в отдельности), а потом практически понял, что на все воля Божья, и особенно не убивался.

* * *

Иногда Семен Семенович ходил в церковь, где его журил молоденький, но очень мудрый и светлый отец Николай за то, что Семен Семенович имеет контакты с несколькими женщинами. Семен Семенович искренне каялся, просил прощения. Батюшка прощал его. Но, увы, в скором времени Семен Семенович опять совершал грех прелюбодеяния.

В принципе, он очень хотел найти женщину, которая заменила бы ему целый мир, найти одну-единственную, которая стала бы в с е м. Но пока не находил. Таким человеком была для него когда-то его вторая жена. И, видимо, он все-таки до конца не мог прийти в себя после их разрыва.

* * *

Жизнь проходила на работе и дома. Забот хватало. За квартиру заплатить, за телефон, продукты купить, постирать, погладить...

Кроме того, Семен Семенович был дачником. А также обожал читать философские книжки.

А еще Семен Семенович очень любил поспать. Спал всегда один, терпеть не мог, когда женщины оставались у него дома ночевать, в таком случае стелил им отдельно в маленькой комнате на роскошном финском кожаном диване.

* * *

Ночами Семен Семенович слушал музыку, читал Библию либо стихи своих любимых поэтов. Максимилиана Волошина и Александра Блока, Дона Аминадо и Марину Цветаеву, Георгия Иванова и Иосифа Бродского.

Семен Семенович жил и понимал, что жизнь — мгновение и, в общем, все действительно суета сует, как писал неслепой парень Екклесиаст.

Семен Семенович постоянно перечитывал этого биб-

лейского мудреца. «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки».

Еще ему нравились высказывания Екклесиаста о женщинах.

«И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею».

Семен Семенович как холостяк со стажем любил процитировать эти сентенции при случае. В компании таких же холостяков. Например, в обществе своего друга, офицера советской армии Санька Пузанова, от которого в свое время тоже сбежали две жены.

Семен Семенович понимал, что сам был однажды очень серьезно уловлен (все по Екклесиасту!) в женские сети.

И данное обстоятельство ему очень не нравилось. Потому что вырывался он из этих чарующих пут (пут своей второй жены) долго и мучительно. И не слишком успешно. Хотя, конечно, в последние годы Семен Семенович душу свою уже ни одной из женщин не отдавал. Держал всех своих барышень на определенной дистанции. Как бы сказал поэт Юдахин, Семен Семенович вышел из брака, как вор в законе из зоны.

* * *

Жили мы с Семеном Семеновичем по соседству. На одной лестничной клетке. И очень часто общались. В общем, я был одним из его постоянных слушателей-собеседников.

Как-то раз Семен Семенович зашел ко мне за спичками. Я пригласил его на кухню. Мы стали по обыкновению пить чай. И разговаривать. На сей раз Семен Семенович поспешил поделиться со мной своей новой идеей, которая, признаться, не очень меня порадовала:

— Вы знаете, Женя, а ведь Вам даже и невдомек, что Вас на самом деле просто не существует. Не удивляйтесь, не удивляйтесь. Я еще не сошел с ума. Но все дело в том, что

нет никого и ничего. Есть только, помните Шварца, тени, отражения. Вот Вы — литератор, писатель, на работу почти никогда не ходите. Следовательно, Вы почти не отражаетесь в глазах других. Вывод? Вас почти нет.

— Ну а как же мои произведения? — пробовал возразить я. — Ведь кто-то их читает! А разве я и мои произведения — разные субстанции? Они суть одно.

— Нет, это все-таки разные субстанции! — поспешил пессимистично заверить меня Семен Семенович. И — замолчал. И — забрав свои спички, удалился.

А я включил телевизор и стал смотреть новости. Передали, что завтра похолодает.

* * *

Я хотел уже было лечь спать, когда в дверь снова позвонили. Я посмотрел в глазок, на пороге стоял все тот же Семен Семенович.

— Вы знаете, Женя, — сказал он, — сегодня у меня какое-то огромное желание выговориться, а поговорить кроме Вас в данный момент просто не с кем. Так что если Вы позволите, я бы хотел с Вами поделиться еще кое-какими наблюдениями. Например, о женщинах.

Эта перспектива мне, разумеется, понравилась больше, и я опять-таки пригласил соседа на кухню.

Семен Семенович продолжил:

— В последнее время мне стало казаться, что женщина влюбляется не в мужчину как такового, а в своего и этого мужчины г р я д у щ е г о ребенка. Инстинкт самосохранения женщины, ее генетический код диктуют свои законы, спорить с которыми очень трудно. Эта теория в общем-то не нова. Но я в какой-то мере являюсь ее прямым доказательством. Не в смысле моего появления на свет (об этом я судить не берусь), а в смысле моей личной жизни. В моей судьбе было не так много настоящих женщин, но все же... Я бы хотел рассказать Вам о некоторых из них. Вот, напри-

мер, Даша. Она любила меня страстно. А я тогда еще не развелся с первой женой. Возникали проблемы. Даша требовала, чтобы я принадлежал только ей. Когда я уезжал из Москвы хотя бы на несколько дней, Даша заболела. Морально и физически. Словом, в чувства свои не играла. И представляете, она забеременела от другого мужчины через три дня (рассказала потом сама) после того, как мы расстались. Другую женщину звали Викуля. Она все написала в своих чувственных стихах, посвященных моей скромной персоне. Викуля тоже меня любила. Но теперь ситуация изменилась. Я в то время уже был свободен, а вот Вика находилась в законном браке. Поначалу это не мешало нам радовать друг друга всевозможными интимными ухищрениями. Да и просто радоваться общению друг с другом. Вика говорила, что кто-то «подключил ее ко мне».

— Она тоже забеременела не от Вас? — грубовато спросил я.

— Вот именно, — вздохнул Семен Семенович. — Она забеременела через неделю после нашего разрыва от своего мужа, которого презирала и даже иногда ненавидела (случалось, он ее бивал!). И, наконец, я хочу рассказать Вам про Машу. Она уходила от своего сожителя Ивана ко мне, пыталась жить со мной, его называла предателем и алкашом. Интересен такой факт: с Иваном они жили, не предохраняясь, почти три года. И — хоть бы что. Я, кстати, имел контакты с Машей только в презервативе. После нашего разрыва она все-таки забеременела от Ивана.

— Я что-то не пойму, к чему Вы, Семен Семенович, клоните? — недоумевал я.

— А к тому, Женя, что, видимо, ее генный атом искал более сильного партнера (видимо, я все-таки сильный индивид!), а не найдя, вернулся к тому, что имел. Организм ждал три года, искал замену носителю мужской энергии. Найти не удалось. Маша родила от Вани. Причем они никогда не лечились ни у каких врачей. Материя человеческой биоэнергетики оказалась мудрее любых академиков.

Я мог бы привести и другие примеры. Но сейчас в этом нет необходимости. Я просто хочу еще Вам сказать о том, что одна из самых важных и мудрых наук на земле — это еволютика, наука об улучшении рода. Ребенок должен быть совершеннее родителей. И он — еще неродившийся! — диктует потенциальным родителям правила бытия. Правила жизни. И правила смерти.

— Но, если следовать Вашей логике, генные атомы мужчин, от которых родили Ваши бывшие возлюбленные, оказались сильнее Ваших. Выходит, что дети выбрали не Ваши, как Вы изящно выражаетесь, атомы...

— Может быть, Вы и правы, — неожиданно для меня согласился Семен Семенович. — Впрочем, какое это сейчас имеет значение. Кажется, мой поезд уже ушел.

* * *

Семен Семенович вернулся к себе. Я опять включил телевизор.

* * *

Через полгода я решил обменять свою однокомнатную квартиру в центре на трехкомнатную на окраине, что и сделал, доплатив небольшую сумму.

С тех пор Семена Семеновича я не видел.

ЛОЛИТА, БАЛЕРИНА

...Впервые за многие годы я оказался тогда вне системы. Я просто ж и л. Я по большому счету никому ничего не был должен. Не должен был, как в студенческие годы, заучивать наизусть огромные тексты на латинском, французском и немецком языках, не должен был сдавать тексты в номер (газетное словосочетаньице!), не должен был обязательно

находить рекламу в те журналы, в которых ранее служил рекламным деятелем.

Как-то так я хитроумно поставил себя, что мой шеф в рекламном агентстве не требовал в тот период от меня практически ничего — даже прихода на работу. Есть заказ — хорошо. Нет — и не надо. Наше рекламное агентство вполне благополучно обходилось без меня.

* * *

Я вставал в двенадцать дня, ложился в два-три ночи. Спал, читал, ел, ходил по магазинам.

Дочери и родителям я деньги давал. Зарплату мне платили, как ни странно, весьма неплохую.

* * *

...Кстати говоря, лет пятнадцать назад, после очередного своего неудачного романа, я очень живо, въяве вдруг увидел такую картину: я живу в двухэтажной каморке, печатаю на машинке, а ко мне после почти десятилетней разлуки приходит моя бывшая возлюбленная.

— Странно, — думал тогда я, — ведь это нереально. Где же я возьму двухэтажную каморку?

Она откуда-то взялась. Все оказалось почти так, как в моем тогдашнем видении.

* * *

...Женщин ко мне приходило не много. Это поначалу я, дорвавшись до так называемой свободы, бросался чуть ли не на всех. И у меня было примерно пять регулярных любовниц. Очень быстро я от подобного тлетворного образа жизни отказался, талантливо сохранив с бывшими любовницами чисто дружеские, товарищеские отношения.

* * *

Приходила в основном одна. Звали ее романтично — Лолита. Она была балериной. И кроме балета в этой жизни знала очень немного вещей. Ориентировалась в мире, прямо скажем, не лучшим образом. Например, она могла сказать, что президент России — Владимир Жириновский или Михаил Жванецкий. Ей было все равно.

* * *

А своим гениальным телом она владела, как, наверное, никто. Вот на его изучение и ушли у меня пронзительные дневные часы и тягучие поздние вечера холостяцкой жизни. Я так полюбил это натренированное, изящное, миниатюрное, виртуозное, как слово какого-нибудь гениального поэта, тело, что понял: тело Лолиты — это и есть ее душа. И душа, и мозг, и сердце...

Днем, после репетиции, она обычно забегала ко мне, и через некоторое время я провожал ее домой — жили мы убийственно по соседству.

Вечером она заходила еще раз.

К ночи я опять провожал ее домой.

Она любила спать (в прямом смысле) одна.

* * *

Постепенно Лолита стала единственной моей женщиной. Со всеми другими я даже меньше начал болтать по телефону — а это мое любимое занятие.

* * *

А потом она уехала на гастроли в Штаты и не вернулась.
И не вернулась.
И не вернулась.

Я не знал, как на это реагировать. Я ждал от нее известий.

И спустя три месяца она позвонила мне. Она сказала, что вышла замуж.

* * *

Я понял, что мне опять надо будет возрождаться из пепла.

1995
Тверская

СЕРГЕЙ, УГОНЩИК «МЕРСЕДЕСОВ»

Мы жили в детстве в одном дворе. Много-много лет назад. Вместе ходили в секцию бокса, я был влюблен в его сестру, классе в седьмом-восьмом мы стали с ним почти неразлучны, он все время приходил ко мне в гости, звонил по несколько раз на дню.

Многие называли Сережку моим ординарцем.

* * *

...Мы не виделись десять лет. Я сменил за это время множество городов, стран, имен... О друзьях детства стал грешным делом подзабывать. Они, к слову сказать, тоже меня вспоминали не особенно активно. И вдруг Сережка позвонил:

— Женек, привет. Слушай, давай встретимся, ведь столько лет не виделись!

Увиделись. У меня дома. Выпили, разговорились. Кстати, вот странный нюанс: Сережка пришел на встречу без бутылки — я такого в России ранее не встречал.

Сначала я долго и хвастливо рассказывал про Америку, где недавно побывал в одном провинциальном штате.

— А в ресторан в Кентукки можно сходить долларов за

двадцать (это вдвоем попить, поесть!), а дом в Кентукки можно легко приобрести за двадцать тысяч, а земля в Кентукки и того дешевле — акр (десять соток) в среднем стоит тысячу «баксов». Короче говоря, другой мир, другая жизнь. Два мира, два детства.

— Да ну! — то и дело восклицал Сережка.

Потом, пригубив янтарного (эпитет Саши Черного) чешского пивка, начал рассказывать о себе:

— А я, Женек, живу только здесь, в стране непуганых идиотов. Никуда не выезжаю. И мне это не нравится. Потому что здесь, представляешь, все воры. Все жулики. Все хотят тебя обмануть. Торговал я раньше медикаментами, обратился в специальную фирму, чтобы лицензию сделали, — десять «штук» за это отгрузил. Год проработал, потом проверка — лицензия оказалась фальшивой. Ну и я тоже маленько подворываю. Ну а что остается делать? Жрать-то надо. Да ничего и не охраняется здесь. Вот недавно с ребяташками «взяли» склад с икрой, балычком, кальмарами... Консервы, короче. На семьдесят тысяч «бачей». Мы сначала-то на этот склад как порядочные пришли, закупили за свои деньги сто килограммов товара, все заодно посмотрели, где у них что... Как сигнализация отключается? Где охранники дремлют? Ну и взяли потом складик. Охрана, как всегда, спала. Товар ушел за неделю. Через обычные московские ларечки. Ну, а вообще мой бизнес — это машины.

— Завозишь и продаешь?! — обрадовался я.

Сережка засмеялся.

— Угоняю. Потом продаю. Машин сто уже на моем счету. Но, вообще, жить становится все тяжелее и тяжелее. Горбач и Эльциноид все, говнюки, испортили. Воровать стало намного труднее. Страна хорошо жила только при Лене. Воровали ВСЕ. Работал на птицефабрике — тащил птицу, на чаеразвесочной фабрике — выносил чай. Леня всем давал воровать. Настоящий был руководитель.

— Сережа, а у тебя, что, — замямлил я, — не возникало проблем с милицией? Все так легко сходило с рук? Если ты сто машин угнал...

— Ну приключались, конечно, мелкие неприятности, — ответил Серега. — Взяли мы как-то с пацанами шестисотый «Мерс» у одного банкира. Позвонили ему:

— Так, мол, и так: двенадцать «штук» — и вернем!

Но, понимаешь, посредники еще с нами работали. Цену накрутили до семнадцати «тонн», пидоры. Короче, приехали мои орлы на «стрелку». А их хуяк — окружили. Всех повязали. Корешки мои, естественно, меня сдали.

Я сидел в тот вечер дома, счастливый, комедию какую-то американскую смотрел. «Корешки» доложили по «мобиле», мол, все о' кей, везем «капусту». Через полчаса позвонили в дверь. Я, даун, дверь и открыл (обычно без предупреждения не открываю). Ну и мне ручкой пистолета — в еблище. У меня кровяшка, на башке рог. Наручники надели. И — в воронок. Посадили в одну камеру с каким-то бомжом. Заебал, козел. Воньца от него стояла хуже, чем в сортире. Дал я какому-то сержантику денег, послал за жрачкой. Он притащил, я похавал, начал кумекать — хули делать? Вызвали на допрос. Начальник «мусоров» говорит:

— Твое, Сергей, дело? «Мерсюк»?

— Нет, — говорю, — начальник, не мое. Оклеветали.

— Ну, Сергей, — слышу в ответ, — смотри сюда. Даю тебе три часа, «Мерса» не подгонишь, я тебя лично из «ТТ» пристрелю.

И — лох — отпустил меня.

Я и срулил. Никто даже не проследил за мной. На понтах меня хотели взять. Дома я, правда, с тех пор не появлялся. Может быть, я даже в розыске сейчас состою.

— Ну, а с «Мерседесом»-то что?

— А «Мерс» я продал. Хули с ним еще-то делать!

21.04.1996

Тверская

ЖЕНЯ, ИНТЕРВЬЮЕР «ЗВЕЗД»

*Светлой памяти
Сергея Довлатова*

К тридцати двум годам у меня уже не было никаких сомнений относительно своей профпригодности к чему бы то ни было.

Наверное, это можно было бы перенести. Но самое ужасное, что подобных сомнений не наблюдалось и ни у кого другого.

Оказалось, что я могу только о д н о — делать интервью. Все остальное получалось значительно хуже. Торговать яйцами не получилось, сосками тоже, заниматься рекламой оказалось не по зубам, жить на содержании богатых американок я долго не смог, быть комсомольским работником — не хватило нахальства, стать религиозным философом — нравственности, музыкантом — слуха, боксером — здоровья, крестьянином — упорства.

Что же значит делать интервью? Это взять у своих приятелей-журналистов Сашки Бултыха или Валерки Киркова телефон той или иной «звезды», договориться с ней о встрече, задать вопрос типа «что Вы думаете о нашей сегодняшней жизни?», записать на пленку, обработать и... опубликовать. Деньги пропить вместе с товарищами по журналистскому цеху. Все.

* * *

«Звезды» сейчас разговорчивые. Так что вопроса, в принципе, достаточно одного. А потом можно сидеть и энергично поддакивать.

— Понимаю. Ага. Угу. Да-да! — или что-то в этом роде.

Если же «звезда» молчалива, все можно придумать самому.

* * *

Газета наша называется «Кулак — оплот капитализма». И писать нам нужно в основном о селе. Или о том, как «звезды» эстрады (я веду рубрику о популярных людях) любят село, свою малую Родину...

Малую Родину «звезды» вспоминают обычно неохотно. Охотнее говорят про дачу. И то весьма неординарно. Например, рок-гитарист Ирис Пальме (на самом деле он, кажется, не Ирис, а Коля Малинкин) хоть и признался, что любит трахаться в бане на даче, но про свои агропромышленные возможности ничего не сообщил. Скрыл. Пришлось ему помочь. В опубликованном интервью из-под моего компьютерного пера возникли, в частности, такие слова диковинного Ириса:

— Я — дачник, — сказал Ирис, — люблю выращивать огурцы в морозостойчивых теплицах. В прошлом году вырастил два центнера с гектара. Все раздал бедным... девушкам. Я ведь сейчас создаю Фонд помощи бедным девушкам...

Редактор Костя Лохматенко одобрил этот пассаж на планерке и даже предложил выплатить мне повышенный гонорар.

* * *

Нужно, покайся, признаться, что работал я в огромном количестве изданий. В газетах «Тайны вселенной», «Они», «Стольный град», «Семейный очаг»...

* * *

В газете «Семейный очаг» нужно было все время писать, что «звезды» — примерные семьянины.

Они-то, может быть, и семьянины, но в определенном смысле. Семьи, как правило, однополые. Про э т о в добро-

порядочное советское время писать не полагалось. Тоже приходилось выкручиваться.

* * *

В «Семейном очаге» я получал стабильные задания от главного редактора Сергея Исакова сделать интервью с тем или иным нужным редакции человеком. Например, молодой певец Дима Наликов дал бесплатный концерт для Благотворительного фонда имени Нельсона Манделы. А «Семейный очаг» был тогда органом именно этой общественной организации. Чуткий к заботам фонда, Сергей Исаков тотчас поручил мне Диму прославить.

Он, увы, на все вопросы отвечал односложно.

Существовало только два варианта ответа.

— Да.

— Нет.

Поэтому пришлось проявить некую журналистскую изворотливость.

Например, я говорил:

— Дима, Вы, конечно, прочитали, массу книг. И я не исключаю, что тома пронзительной публицистики Альберта Анатольевича Ханова (директора Фонда) произвели на Вас неизгладимое впечатление, потому что они затронули очень серьезные вопросы морали и нравственности...

Следовал ответ:

— Да.

Меня это устраивало. И текст в печати в итоге выходил следующий:

— Если говорить предельно откровенно, — рассказал читателям Дима Наликов, — то больше всего за последние годы меня поразили книги только одного писателя, а именно тома пронзительной публицистики Альберта Анатольевича Ханова, прекрасного русского писателя и выдающегося общественного деятеля.

* * *

Впрочем, это было раньше. В милой и далекой газете «Семейный очаг». Сейчас врать приходится все-таки немножко поменьше.

* * *

После работы мы, печальные журналисты, не самые меткие снайперы компьютерного пера и аутсайдеры хрипящих диктофонов, как известно, выпиваем. Причем, если во всей стране, кажется, идет «Перестройка», то в газетном цехе перемен немного. Правда, раньше мы пользовались печатными машинками, а ныне — исключительно компьютерами. Кстати говоря, компьютеры намного удобнее. На клавиатуре запросто можно расстелить газетку, положить селедочку, на маленькой (не электрической) печатной машинке такую процедуру проделать сложнее.

* * *

По вечерам, часов в пять, я захожу к своему другу, заместителю главного редактора нашего «Кулака» Сережке Татаровичу. У него уже идет процесс...

Самое главное, когда выпиваешь с Сережкой, — не останавливать его речь. Иначе Сережка обидится. А тост его может длиться час, два, три. Сережка родился и вырос в Грузии. Это нужно учитывать.

* * *

Я выпиваю с ним в пять-шесть часов. Потом ухожу либо домой, либо на встречу с очередной «звездой». Когда прихожу на следующий день на работу, наша коммерческая богиня Ленка, как всегда, начинает мне рассказывать:

— Серега выбил ногой дверь в кабинете Лохматенко.
— Серега набил морду Арону Дваскину, назвав его лже-
русским патриотом...

И т.д.

Меня эти рассказы поражают. Мы пьем с Серегой все-
гда тихо и мирно. Интеллигентнее друга, чем Серега, у ме-
ня нет. Когда я спрашиваю его о том, что было вчера, он от-
вечает кротко и печально:

— Не помню. Кажется, день прошел прилично.

Может, Ленка все придумывает? Или преувеличивает?

* * *

Иногда к нам в гости забегает офицер налоговой полиции
Санек Саньков. Он тоже раньше работал в «Кулаке» коррес-
пондентом. А теперь успешно делает «ментовскую» карьеру.
Санек получает на работе офицерский паек — консервы,
колбаску.. Все тащит в родную «кулачную» редакцию.

Санек, когда выпьет, произносит один и тот же монолог.
Но в разных вариациях. Это зависит от количества приня-
того на грудь и от того, какое у него настроение. Но тема —
повторю! — всегда одна.

— Идеальным я представляю следующее общество, —
считает Саша, — мы, пацаны, мужики, живем на земле, ра-
дуемся, созидательно трудимся, облагораживаем своим
присутствием мир, а эти твари (так, извините, Санек назы-
вает женщин) сидят в мрачных подвалах и молчат. Когда
нам нужно утихомирить свою голодную похоть, мы шарим
рукой в подвале, достаем за волосы этих тварей, утихоми-
риваем похоть, а этих тварей опять опускаем в подвал.

* * *

Санек был два раза женат. Когда он вспоминает про
жен, ощущение такое, что он вспоминает о двух «ходках»
на зону...

Рассказывать о друзьях и работе — мое самое любимое занятие. Но сейчас я тороплюсь. Завтра должен сдать в номер интервью с очередной знаменитостью.

23.10.1996

Вешняки

«МАР ХАБАР» ПО-АРАБСКИ ЗНАЧИТ «ЗДРАВСТВУЙ»

Позвонил мне как-то раз загадочный советский человек по фамилии Ли (у него отец китаец, а мать русская), с которым мы раньше вместе работали в отделе рекламы одной не слишком преуспевающей газеты.

— Женюра, у меня есть дружбан — очень солидный предприниматель, один из лучших переводчиков в стране с арабского языка Игорь Валерьевич Тимохин. У него сеть фирм. Им нужен специалист по рекламе. Звякни ему — мне кажется, вы найдете общий язык.

Я — чтобы не обижать товарища — покорно записал телефон. Звонить совершенно не собирался. Но тут у нас на работе начались кошмарные сокращения. И я на всякий случай позвонил. Договорились встретиться.

Игорь Валерьевич подал мне машину. И мы повстречались у него в офисе, который тревожно располагался возле станции метро «Пыхино» — то есть далеко не в центре.

* * *

Офис представлял собой двухкомнатную обшарпанную квартиру, расположенную на первом этаже четырехэтажного сталинского дома.

Игорь Валерьевич, человек сорока с лишним лет, был одет в идеально-строгий костюм. Его преждевременная лысина намекала на то, что вся молодость прошла в жарких

любовных баталиях. Маленький рот и тонкие губы говорили о повышенной чувственности...

Игорь Валерьевич предложил работу в арабской конторе, в которой он являлся исполнительным директором московского представительства. Контора называлась «МАР ХАБАР» (что по-арабски означает «Здравствуй»), ею владел некий господин Шмарси из таинственного государства, которое мы условно назовем Бархадор.

Я поблагодарил за предложение, но ответил, как всегда, витиевато:

— Я не могу постоянно ходить на работу, надо бы нам учредить фирму, которая занималась бы рекламными вопросами, а заодно обслуживала бы и «МАР ХАБАР». Я готов участвовать в финансировании этого проекта, но исполнительным директором быть не готов. Человек на это дело у меня есть.

Неожиданно Игорь Валерьевич быстро согласился. Фирму решили делать на двоих. Пятьдесят на пятьдесят.

* * *

На следующий день я привел своего дружка Александра Абрамовича Росомахина, с которым мы раньше вместе трудились в одном рекламном агентстве. Сашка искал работу, предлагал мне учредить фирму на двоих. Мы все не решались. И вот такой реальный случай. Я пообещал Сашке двадцать пять процентов. То есть вычел из своих пятидесяти ровно половину.

Я познакомил господ предпринимателей. Немного поучаствовал в беседе, а потом откланялся — меня ждали какие-то мелкие литературные делишки.

* * *

Вечером мне позвонил Игорь Валерьевич и интригующе спросил:

— Вы давно знаете Александра Абрамовича?..
Оказывается, Абрамыч решил вопрос поставить ребром.
Он резонно поинтересовался:

— А зачем нам, собственно, Евгений? Денег у него нет.
Работать он не будет. Будет сидеть дома и писать свои ничтожные стихи, я-то его знаю. Давайте трудиться, Игорь Валерьевич, с Вами вдвоем.

Игорь Валерьевич, как на грех, оказался порядочным человеком и показал Росомахину на дверь.

Сашка даже не понял — в чем дело.

* * *

Потом я опять замотался. Связь с Игорем Валерьевичем временно потерял. Летом ко мне приехали жена с дочкой из Германии.

* * *

У меня как бы несколько жизней. В одной из них я — примерный семьянин. Эта жизнь длится ровно полтора месяца в году. И протекает в глубинном российском городке с романтическим названием Рассказово.

Семейная жизнь, как ни странно, для меня самое главное. Именно в Рассказове мы шалим с моей дочкой, русской немкой из города Грифенрода, именно в Рассказове мы ведем с моей бывшей женой общее хозяйство и ездим на ее машине «Фольксваген» на дачу. Дача у нас в пяти минутах езды от квартиры.

* * *

Наши отношения с моей бывшей женой настолько туманны и запутаны, что лучше в них не разбираться совсем. Дело в том, что уже пять лет Наташа замужем за странным немецким альтруистом и по совместительству строителем Гербертом, ко-

торый строил в Рассказове дома, а построил новую семейную ячейку. Знакомы Наташа и Герберт лет восемь. Живут под одной крышей пять лет. При этом Наташа упорно убеждает меня, что ее муж — это я, а Герберт просто друг, который вывез ее за границу из гуманных соображений. Наташа — человек очень талантливый. И врет настолько виртуозно, что я ей верю. Она, например, утверждает, что с Гербертом даже не целовалась. Наиболее оглушительная ложь всегда имеет успех.

* * *

В общем, живем мы с Наташей полтора месяца в году, но за этот период получаем столько и положительных, и отрицательных эмоций, что хватает надолго. Как раз до следующего лета.

Нужно признать, что в последнее время вопрос ее верности (или неверности) волнует меня почему-то все меньше и меньше. То ли я постарел, то ли понял, что измен вообще никаких не существует... Есть просто законы сохранения рода... Вот и все. Мне кажется, что в любом случае моя ситуация сейчас гораздо лучше, чем ситуация Герберта. Если учесть, что Герберт наставлял мне рога раньше (даже если наставлял!), то нынче наставляю ему рога я...

* * *

Главный человек в моей жизни — дочка Настюшка, человек веселый, хитрый и насмешливый. Больше всего Настюшка любит хулиганить, играть в жмурки, мучить бедного кота Миньку, мешать мне спать, а также слушать смешные истории.

Иногда по вечерам мы с Настюшкой и Наташей гуляем по нашей родной Ленинградской-street, где почти на каждом доме гордо висит забавная вывеска — «Лучший дом улицы».

Каждый день мы ездим на дачу, где я сплю либо читаю стихи Евгения Винокурова, а Настюшка меня будит и заставляет играть в жмурки.

Еще мы лазаем на чердак, ходим на речку, она течет прямо вниз, и собираем черную смородину. У нас такой договор с Настюшкой: маленькое детское ведро смородины — пять раз в жмурки. Просто так я не играю. Настюшка собирать ягоду не любит, но очень любит играть. Ей приходится идти на компромисс.

На даче у нас есть радиотелефон. То есть мы берем с собой трубку, а поскольку квартира находится в трех километрах от дачи — телефон работает. И у меня постоянная связь с родным городом-монстром.

* * *

Мы сидели с Настюшкой с удочками на берегу реки, ловили, по-моему, несуществующую в нашем Лесном Тамбове рыбу, играли в слова (эта игра еще называется «колокольчик раз-два-три»). Мне, как всегда, хотелось спать, но проворная Настюшка набрала два ведерка смородины и обменяла их у меня на две игры в слова, вместо жмурок.

Вдруг раздался звонок. Звонил Игорь Валерьевич:

— Женя, наша фирма будет проводить визит наследного принца Бархадора Абдуллы ибн Абдуллы. Прошу Вас срочно приехать. Зарплата — тысяча долларов в месяц.

Что мне оставалось делать? Тысяча долларов на дороге не валяется. Я никогда, во всяком случае, не видел. И я согласился.

* * *

Приехал я в город-монстр, конечно, рановато. До визита, как выяснилось, оставалось три недели. И сотрудники фирмы пока не знали, чем заняться.

Завхоз Михаил Анатольевич Головастых, выпускник МИСИ, как всегда, разгадывал кроссворд. Делал он это весьма успешно. Например, в кроссворде вопрос — вид медадухи? Миша уверенно вписывал ответ — пчела.

Однажды я зашел к нему в кабинет, просто так, потрепаться. Его почему-то не оказалась. На письменном столе лежал очередной кроссворд из газеты «Мегаполис». Отгадан был ответ только на один вопрос. Приспособление для хранения канцелярских принадлежностей? В клеточках аккуратным почерком Миша написал — п и н а л.

* * *

Кроме Миши у нас работает его жена Альбина Николаевна Головастых, женщина суровая, но справедливая, также выпускница МИСИ. Альбина Николаевна — бухгалтер, она выдает зарплату и делает баланс. На работе ее боятся все. Особенно Миша, которого она не только ругает, но иногда и бьет.

Выясняют они отношения постоянно и очень громко.

Однажды, войдя в офис, я вдруг услышал громкий и властный голос Альбины Николаевны:

— Открывай рот и соси, открывай рот и соси!

Я испугался, я не понял, что происходит.

Потом Альбина продолжила более ласково:

— Я же тебе говорила, урод, чтобы взял с собой побольше валидола.

Оказалось, что у Мишани прихватило сердце.

* * *

Еще у нас на окладе — видные арабисты, в прошлом сотрудники АПН Владимир Юрьевич Пихтин, Геннадий Иванович Гномиков, Борис Дмитриевич Затыжных (прозвище «Бидэ»), и два водителя — Саша и Сережа. Очень милые, интеллигентные люди. Особенно водители.

Смысл нашей служебной жизни — обслужить визит диковинного принца.

* * *

Лично мне Игорь Валерьевич поручил заниматься непосредственно рекламой. К приезду принца мы выпустили книгу его воспоминаний «Чингисхан пустыни». И вот теперь решили эту книгу прорекламирровать. Мистер Шмарси выделил нам на это семьдесят тысяч «баксов».

Книжка получилась удачной. Она о войне в Большом заливе, в которой Абдулла ибн Абдулла принимал самое активное участие. Он был главнокомандующим объединенными войсками союзников. Война шла с Большим врагом.

Половина страниц книги посвящена самому жгучему вопросу: кто же был главнее в стане союзников — Абдулла ибн Абдулла или Хитрый Норман, главнокомандующий объединенными войсками? Абдулла упорно доказывал в своей книге, что он. При этом обосновывал он это весьма оригинально. Тем, что у него было больше телохранителей, чем у Хитрого Нормана...

Во время войны Абдулла также отвечал за продовольствие, то есть был вроде нашего завхоза Миши. Но рассказывал принц в книге в основном о своих ратных подвигах. В упитанном фолианте мы разместили примерно пятьсот фотографий. Абдулла в танке, Абдулла в самолете, Абдулла с известными людьми...

* * *

Первым делом я заказал рекламный видеоролик своему приятелю Володе Банджеву, который он успешно и сделал. Правда, Володя решил немного сэкономить и дикторский текст прочитал самостоятельно. А нужно сказать, что Володя с детства имеет некоторые особенности произношения. Во-первых, он, как все поляки, шепелявит, а во-вторых, чудовищно заикается. Так что авторская речь, прямо скажем, получилась не совсем удачно. Посему Игорь Валерьевич ролик Воло-

И

ди «зарубил». Нашел другого диктора, профессионального. Дал мне его телефон, чтобы я ему позвонил и все уладил.

Звали диктора... Хому Арамисович Хошабо. Он оказался айсором, то есть ассирийцем. Родился Хому Арамисович в Москве. Говорил действительно очень красиво.

Я позвонил Володе и попросил его сделать переозвучку. Мол, диктора мы тебе привезем сами на машине.

Володя охотно согласился.

— Ста-ста-рик, нет во-во-во-просов, — прошепелявил, заикаясь, Володя, — то-то-лько скажи, как фа-фа-фа-милия диктора, я должен заказать ему про-про-про-пуск заранее, иначе его на сту-сту-студию не про-про-про-пустят.

— Фамилия его Хошабо.

— А и-и-мя, отчество?

— Хому Арамисович.

Возникла минутная пауза.

Потом Володя резонно спросил:

— Слу-слу-шай, а ты уверен, что он про-про-про-чтет текст лучше меня?

* * *

Хому Арамисович постарался. Ролик был утвержден. После этого я отвез его другому своему приятелю Андрюхе Розенбауму, чтобы он разместил его на ТВ.

* * *

А сам начал писать хвалебные статьи о книге и проталкивать их в газетах. Протолкнуть материалы я пытался исключительно через главных редакторов.

В беседе с каждым из них я туманно и невольно-угрожающе намекал, какая величина к нам приезжает:

— Совладелец нефтяной фирмы «Дамко», будущий король Бархадора, это сулит Вам колоссальные перспективы! — несколько преувеличивал я.

Некоторые мне верили. И тогда я проталкивал статьи не по рекламным расценкам, а просто за гроши. В конвертике.

* * *

Подготовительную работу наша крошечная фирма проделала большую. Мы заказали гостиницы, договорились о встречах с первыми лицами в государстве — спикером, мэром, секретарем Совета Безопасности, даже с председателем Правительства. Хотя визит носил не официальный, а частный характер. Подготовили большую культурную программу... Так много я не работал никогда.

* * *

И вот, наконец, принц приехал.

* * *

Он оказался толстым усатым дядькой, удивительно похожим на актера Семена Львовича Фараду.

* * *

Начались важные встречи. На одной из них — с мэром нашего города-монстра — я даже присутствовал. Как руководитель пресс-службы «МАР ХАБАР».

Мэр опоздал минут на пятнадцать, было видно, что особенно церемониться с каким-то Абдуллой он не станет.

На встрече шеф города-монстра сразу начал говорить по делу:

— Мы вкладываем сейчас очень много средств в строительство. Это нужно городу. И это выгодно. Строим квадратный метр за тысячу долларов, продаем за четыре. Выгодно? Выгодно! Вкладывайте, не пожалеете!

Принц отвечал по-восточному туманно и витиевато:

— Я приехал сюда с визитом мира, меня прислал король Бархадора, чтобы сообщить Вам, как мы уважаем Вашу страну-песню, Ваш город-сад, Ваш народ-труженник...

Мэр опять:

— Давайте вкладывать в проект «Тити-мити», прибыль за год — четыреста процентов. Вкладывайте, не пожалеете!

Принц не сдавался:

— Король Бархадора прислал меня с миссией мира... Давайте налаживать мосты взаимопонимания, это так важно!..

Толстая, жутковато-мафиозная физиономия мэра начинала багроветь. Становилось страшно. Мне даже показалось, что еще один подобный пассаж Абдуллы ибн Абдуллы — и шеф города-сада ударит кулаком по столу (в лучшем случае!) и вообще устроит международный скандал.

Слава Богу, этого не произошло. Стороны обменялись подарками. И разошлись с миром.

* * *

После того, как все важные встречи закончились, начались встречи неофициальные. Мы даже договорились с одним военным институтом, что Абдуллу ибн Абдуллу сделают почетным доктором военных наук.

Я, как большой туз, встретился с директором института, каким-то молодым адмиралом. Дал ему ценные инструкции, как вести себя с принцем. Адмирал все время испуганно повторял:

— Будет сделано, Евгений Викторович, будет сделано, Евгений Викторович!

* * *

И вот последний день визита. Программа состояла из двух пунктов: встреча в институте, отлет на историческую Родину.

Вояки, надо признать, постарались на славу. Выстроили на первом этаже почетный караул, пригласили оркестр из Министерства обороны, чтобы он сыграл любимые Абдулой военные марши, накрыли банкетный стол, заказали шикарный диплом, правильные профессора старательно написали рецензии на эпохальную книгу.

* * *

Мы с Игорем Валерьевичем приехали за час до начала церемонии. Сразу — по-хозяйски! — зашли в кабинет к директору. Он нас радушно принял. Там уже находилось несколько особо заслуженных полковников, участников встречи, два седых профессора.

— Не волнуйтесь, товарищи, — сказал, обращаясь к нам с Игорем Валерьевичем, адмирал, — все идет нормально. Я уже и в генштаб доложил. (Мы, нужно сказать, работали в тесном контакте с генштабом, где у нас оказался свой человек — Игорь Владимирович Пузин, тоже в прошлом арабист.) Диплом получился удачным. Не желаете взглянуть?

Взглянул Игорь Валерьевич. В дипломе было написано по-английски и по-русски — «За выдающиеся заслуги перед развитием мировой военной мысли присвоить звание почетного академика Института военной истории имени танка Т-34 г-ну Шмарси ибн Шмарси».

У Игоря Валерьевича перекопилось лицо.

Но он взял себя в руки.

— Шмарси награждать еще рановато. Вообще-то у нас в гостях Абдулла ибн Абдулла, — холодно заметил Игорь Валерьевич.

И тут произошло следующее. Импозантный адмирал почему-то снял с себя белоснежный китель, бросил его на стол и крикнул в пространство:

— Срочно новый диплом!!! Даю вам, гребаные господа-товарищи полковники и профессора, пятнадцать минут. Иначе — всем п... Уволю! Ну и мудаки народились, никто работать не умеет.

* * *

Полковники и профессора пулей вылетели из кабинета. Новый диплом лег на стол адмиралу через три минуты. Мы даже не успели выпить по чашечке кофе.

* * *

Началось торжественное обсуждение. Первым взял слово профессор Лев Сигизмундович Чечулин.

Он произнес такую смелую речь:

— Господа, я скажу с присущей мне откровенностью, не взирая на титулы и звания... (Мы с Игорем Валерьевичем тревожно переглянулись.) Книга меня по-тряс-ла. Это настоящие боевые мемуары настоящего боевого генерала, которые наконец-то пролили нам свет на то, к т о же играл первую скрипку в оркестре военных действий в Большом заливе. Ясно, что это наши братья-бархадорцы под руководством лично товарища Абдуллы Абдулловича, а не голуби союзничков под руководством Хитрого Нормана...

Все зааплодировали. Принц улыбнулся. Практически все заседание он просидел молча, сыто ухмыляясь в усы. Видимо, он привык к грубой лести и другую лесть уже просто не воспринимал.

* * *

В тот день его опять называли великим, гениальным, могущественным. Он сидел и улыбался в усы.

* * *

Потом адмирал торжественно вручил принцу диплом почетного академика. Они обнялись.

Ответная речь Абдуллы ибн Абдуллы была не слишком длинной.

Он сказал:

— Спасибо!

И хотел уже было откланяться, но раздались такие бурные и продолжительные аплодисменты, что принц оказался вынужден произнести еще несколько слов. И он их произнес:

— Друзья, король Бархадора прислал меня в Вашу страну-песню с миссией мира, налаживать мосты взаимопонимания — это так важно...

А потом наследный принц Абдулла ибн Абдулла улетел к себе на Родину. Милый, он обещал вернуться.

1.12.1996

Вешняки

АРИШКА, НЕВЕСТА ИЗ ПИТЕРА

С Аришкой, загадочной красавицей из Питера, мы прожили полгода. И все эти полгода она меня удивляла...

В первый же день, как только она переехала ко мне из северной столицы, она вычистила до ослепительной белизны мою не самую, прямо скажем, чистую ванну, перемыла все чашки и ложки. При этом она постоянно приговаривала таинственные фразы:

— Маленький хочет купаться в беленькой ванночке, маленький хочет пить из чистеньких чашечек. Жоня (это она меня почему-то стала так называть) должен радовать маленького. Не сорить, не мусорить.

Я не возражал.

* * *

По ночам Арина тоже удивляла меня своей милой оригинальностью. Почему-то как только я засыпал, Арина толкала меня в бок своим изящным, спору нет, коленом и властно требовала:

— Жоня должен почесать маленькому спинку, а также сделать массажик.

Этому я сопротивлялся, спинку чесать не хотел, массаж делать (тогда!) не умел. Аришку это не устраивало. Следовало короткое и строгое резюме:

— Подлый Жоня устраивает бунтик на кораблике. Маленький бросит Жоню.

В итоге я чесал спинку и делал массажик.

* * *

Разговаривали мы в основном о друзьях и подругах Аришки. В частности, перемывали кости ее ближайшей подруге Котику (Котик — это не прозвище, а фамилия Даши, милой девушки, переехавшей из Москвы в Ленинград к своему любовнику Жене, которого Аришка тоже называла Жоней).

— Жоня, — говорила Аришка про любовника Котика, — оказался подлецом. Заманил маленького усатого Котика в Ленинград. А жениться не захотел. Подарков не подарил. Правда, на День рождения вручил стремяночку от щедрот своих. Жоня нехороший, подлый. Не подарил маленькому Котику перстенечков. А маленький хотел. Жоня — злой пёсик. Овчарик. Совсем не любит К(к)отика.

* * *

Иногда по ночам Аришка учила меня каким-то невысказанным вещам, которым я никак не мог обучиться.

— Милый, милый Жоня, — говорила Аришка, — зажмурь глазоньки, сейчас твой маленький черепашонок, ленивый такой черепашонок, научит тебя делать хрю-хрю.

— Какие такие хрю-хрю? — испуганно спрашивал Жоня, то есть я.

— Жоня глупый. Не понимает, — отчитывала меня Аришка, — хрю-хрю — значит хрюкать.

И Аришка демонстрировала, что значит делать хрю-хрю. Получалось по-своему очаровательно.

* * *

Рано утром я уходил на работу, рассказывал о нашей семейной жизни секретарше Полине. Она смеялась. Я тоже. Мне было хорошо. И радостно. Потому что впервые за три последних года я жил не один и не был одинок.

* * *

Когда я приходил домой с работы, Арина кормила меня сытным ужином, потом мы уходили в театр или на концерт, либо оставались дома, и моя новая спутница жизни рассказывала мне истории про своих питерских подруг. Рассказчицей Аришка оказалась, по-моему, очень талантливой. Мне оставалось только записывать ее веселые байки.

— Подружек у меня в общем-то немного, — рассказывала Аришка, — но зато все хорошие. Вот Катюшка — номер один. Катюшка — та еще ушляндия. Нарыла себе где-то в Бундусе Гюнтера, немолодого мальчика восьмидесяти лет. Брак сначала был фиктивным. Гюнтер просто вывез Катюшку за штуку марок. А потом как-то у них срослось, стали жить. За «Look». Гюнтер уже ничего не может, точнее — может только смотреть. Это его еще радует. У них контракт. Катюшка раз в неделю раздевается перед Гюнтером. Он доволен. Она тоже.

Пол-Ленинграда Катюшка перетаскала в Мюнхен. Все мы идем как сестры. Я, например, младшенькая. Машка, кореянка, кореянка в натуре, — старшенькая. Гюнтер не возражает. Верит всему, маська. Есть еще и братовья. Например, Володюшка, любовник Катюшкин. Он хоть и в Хельсинки живет, но тоже любит в Мюнхен в гости к сестренке приехать.

* * *

А раньше Катюшка жила в Питере с Осей, нет, не с евреем — с бандюганом из Дагестана Осланом. Ося все время находился в розыске.

Как-то раз менты пришли к ним на хату. Постучали в дверь. Катюшка спросила наигранным детским голосочком:

— А кте тям?

— Милиция!

— Мамоськи и папоськи дема нет, а откливать они мне не лязлесьют.

Менты отвалили.

* * *

Аришкин лексикон меня изумлял, как и весь ее образ жизни. Аришка слова творила. Я уважал ее, как Хлебникова.

Ну чего стоит, например, «ушляндия»! Или такие словосочетания, как «свободные уши» (то есть человек, который охотно слушает собеседника) или «зацепились языками» (разговорились)! А фраза «куй железный пока горячий» просто поражала меня как филолога своей глубинной полисемантической.

Возможно, конечно, что все эти перлы придумала не сама Аришка. Но, во всяком случае, аккумулировала она в себе нестандартные, яркие вербальные образы несравненно.

Хотя никакого образования она не получила, на работу никогда регулярно не ходила, занималась (кроме того, что сдавала квартиры) мелкой спекуляцией...

* * *

Красота Аришки меня пугала. Длинноногая, кареглазая. Светлые волосы до плеч.

Я боялся, что она от меня уйдет и я лишусь не только приятной спутницы жизни, но и такой милой рассказчицы, за которой я просто уже не успевал записывать всевозможные истории. Корыстный меркантильный интерес (интерес литератора) подогревал мои любовные чувства. Я не считал, что это плохо. Мне тогда казалось, что в основе любой поэзии (если широко!) лежит проза. А прагматичные союзы, по моим наблюдениям, наиболее прочны.

* * *

Потом неугомонной Аришке жить в Москве надоело. Она где-то купила приглашения в Штаты. И мы оказались в Нью-Йорке. Я стал, как проклятый, писать в «Новое русское слово», платили мне 30-50 долларов за статью. Аришка работала уборщицей, мыла полы в богатых домах. Мы начали вживаться в американскую жизнь, связи с Россией особенно не поддерживали.

Но однажды нам из «Раши» позвонили.

— Аришка, Женька, приветики, это Светик. Я купила приглашение в США. И, как ни странно, мне визу дали. Я уже и билет приобрела. Встречайте! Я у вас поживу...

Мы напряглись. Что значит — поживу? Как долго? Но Светка (питерская аришкина подружка) уже положила трубку.

* * *

Встретили мы Светку, пухленькую, сисястую молодку. Выдали ей коечку, стали думать — куда бы ее пристроить? Но прав у Светки на работу, конечно, не было, ничего толком делать она не умела.

* * *

Стали мы ей кавалеров искать. Я сначала всех своих знакомцев, писателей-евреев пригласил. По очереди, разу-

меется. Двух-трех невзрачненьких ребят Светка с Аришкой сразу отвергли. А вот одни из последующих произвел весьма яркое впечатление.

— Джозеф, — представился жених, — я еврей, ортодоксальный, на счету у меня триста тысяч долларов США. Годовой доход — сто тысяч долларов США. Я имею кооперативную квартиру из трех комнат в Квинсе и дом из десяти комнат на южном побережье. В Союзе меня звали Иосиф. Здесь я все изменил. Даже имя. «Рашу» вспоминаю с ужасом. Теперь Вы, кажется, знаете обо мне все. А Вы кто?

При этом он посмотрел почему-то на Аришку.

Аришка смутилась. И сказала, что она моя герл-френд, а невеста у нас — Светка.

Пока Светка мычала что-то невразумительное о себе, мы с Аришкой старательно подливали им чаек в чашечки и подкладывали в блюдца русские дорожные шоколадные конфеты, заблаговременно купленные на Брайтоне.

* * *

На следующий день Джозеф и Светка сходили в ресторан. А еще через день она к нему переехала.

* * *

Мы вздохнули.

* * *

Однако ровно через недельку Джозеф привез Светку с вещами взад. И прорычал:

— Юджин, Вы меня обманули. Вы сказали, что Ваша знакомая — порядочная девушка, но она же выпивает, да, да, выпивает, и здорово! Короче, она жрет, как лошадь...

Светка рыдала:

— Я что, вещь, я вещь? Чтобы меня так перевозить с места на место!

* * *

Гадкий Джозеф оставался неумолим.

* * *

Мы опять стали жить втроем.

* * *

Вскорости я догадался, как избавиться от Светки. Я деликатно подсунил девушке «Новое русское слово», где всегда в изобилии печатались брачные объявления.

Мы позвонили по некоторым указанным телефонам.

К нам опять стали ходить женихи. Один даже было согласился взять Светку к себе. Но вскоре опять нарисовался Джозеф и... сделал (о, таинственная еврейская душа!) Светке официальное предложение. Ее руки он попросил у... меня.

* * *

Светка и Джозеф уехали через полгода в штат Висконсин. Джозеф получил там место. А через два года он умер. Все его деньги и недвижимость, разумеется, перешли к Светке.

* * *

С тех пор мы не виделись. А потом мы с Аришкой и все вернулись в Москву.

1996
Тверская

РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА

Сначала все шло хорошо. Я опять стал работать в рекламном агентстве, Аришка возила из Греции шубы и продавала. Достаток у нас был, мы наслаждались жизнью.

Потом ей, видите ли, стало места мало.

— Ну что, — сказала она, — у тебя за ванна? Не покупаешься! Сидячая ванна — это ужасно. Кухни вообще нет. Перекрытия в доме деревянные — не престижно. Короче — улучшай свои жилищные условия. Иначе жить с тобой не буду.

* * *

Я жить один не хотел, удручающий опыт одиночества я познал во всех его печальных проявлениях. И, как самый заурядный подкаблучник, стал выполнять Аришкину жилищную стратегию. Продал свою квартирку. На удивление быстро и легко. А вот купить... Здесь все оказалось непросто.

* * *

Квартир в Москве много, а выбрать что-либо пристойное — сложно. Экология ужасная, красивых мест осталось с гулькин нос: все перерыто, перекурочено. Кроме того, в городе — по утверждениям свободной прессы — десять атомных реакторов и двадцать восемь смертоносных ТЭЦ. Словом, ищите да обрящете!

* * *

Как назло, Аришка была вынуждена уехать по делам к себе на Родину, в Ленинград. Я остался без советчиков.

* * *

Квартирку на Тверской пришлось освободить, хотя с новыми хозяевами мы изначально договаривались, что я поживу в ней еще месяц после продажи.

Но, конечно, месяц они стать не ждали, через две недели сурово намекнули мне, что пора бы и честь знать...

* * *

Я переехал к моему замечательному дяде (и его жене). Они меня пригласили.

* * *

Квартиры я искал сам, если мне что-то нравилось — показывал дяде.

Он, нужно сказать, предъявлял к жилищу весьма неожиданные требования.

— Какие подоконники? — первым делом спрашивал дядя.

Если подоконники были маленькие, он квартиру вообще не ехал смотреть. То ли дядя предполагал, что на подоконниках в случае крайней необходимости можно будет устроить спальные места, то ли он так определял толщину стен дома — неизвестно. А спрашивать я не рисковал. Боялся обидеть родного человека.

* * *

Другим критерием считалась кухня. Меньше девяти метров — отказать.

— На кухне обязательно нужно поставить диван. И большой стол. — Таково было заключение дяди.

Все остальные детали (включая экологию!) его волновали гораздо меньше.

* * *

Мы просмотрели с дядей десятки квартир. Причем во время просмотра он открылся для меня совершенно с неожиданной стороны. Я всегда его считал суровым, не слишком эмоциональным человеком. И вдруг он оказался похожим на меня.

При осмотре апартаментов он сначала очень бурно выражал свои положительные эмоции:

— Да, подоконники хорошие. Большие! Кухня просторная. Диван поставить можно. Я думаю, квартиру надо брать! Конечно, Женька, решать тебе, но я думаю, что из этого жилища можно сделать конфетку.

Потом мы выходили на улицу. Шли домой (смотрели мы в основном в нашем районе), и дядя заметно мрачнел:

— Знаешь, от метро все-таки далековато. И в ремонт вложишь не менее десяти тысяч «зеленых». И дорога назад не очень мне нравится. Переходить широкую улицу надо. А это опасно. Придет к тебе какой-нибудь друг в гости, выпьете, он потом потащится назад пьяный. И угодит, не дай Бог, под машину.

Дядя оказался мастером неожиданных прогнозов.

* * *

После того как было отвергнуто множество квартир, я призадумался. Я начал анализировать ситуацию:

— Почему я ничего не могу купить? Только ли во мне дело?

Чем больше я размышлял, тем очевиднее мне становилось, что, с одной стороны, дядя хотел помочь мне купить квартиру (он, святой человек, кстати, очень здорово участвовал и деньгами), а, с другой стороны, он, видимо, не слишком хотел, чтобы я быстро улетел из его гнездышка. Может быть, ему нравилось мое общество?

Дядя однажды сказал мне:

— Женек, очень скоро цены на жилье значительно снизятся. Потерпи годика два-три...

* * *

Два-три годика мне терпеть не хотелось. И я решил изменить тактику поиска.

* * *

Лирическое отступление.

Я всегда считал, что в моей прежней квартирке, точно в неволе, невозможно было размножаться, реальным представлялось пройти только первый этап интимной жизни... А дальше? Если бы дети народились — стало бы тесновато.

Когда же я переехал к дяде, то вдруг с ужасом обнаружил, что и первый этап интимной жизни пройти у меня уже нет возможности. Негде! За годы самостоятельности я и забыл, что могут существовать подобные проблемы.

* * *

Я активизировался.

Я позвонил своему другу детства Валерке Колбаскину, сделавшему головокружительную, сенсационную карьеру. К тридцати двум годам Валерка стал не просто большим и уважаемым человеком. Он добился просто невероятных высот в социальной иерархии нашего посткоммунистического государства — он стал вором в законе. В прошлом у него было три «ходки», вооруженные разбой, в настоящем — вила в Малаховке, магазин женского белья в четыре (!) тысячи квадратных метров и взгляд, напоминающий рентген.

* * *

Странное дело — в детстве я Колбаскину не раз бил морду, в любой драке с ним я побеждал. Может быть, памятью об этом непостижимом факте, Валера проникся моей печалью всерьез. И деловито предложил:

— Есть у меня в риэлтерском бизнесе один дружок, мы с ним вместе на киче парились еще десять лет назад. Он по центру сейчас работает. У него самые дешевые квартиры в Москве, в ЦАО. Но учти — хозяев он «загашивает».

— Что значит — «загашивает»? — робко спросил я.

Валера посмотрел на меня несколько снисходительно.

До меня дошло.

Такой вариант меня как выпускника Университета христианского образования в Женеве устроить никак не мог.

* * *

Я продолжил искать самостоятельно.

Каких только квартир я не видел! Больших и маленьких, свободных и несвободных, в центре и на окраине... И всегда — дорогих. Дешевых в этом городе просто нет. Квартиры в Москве стоят не дешевле, а, по-моему, даже дороже, чем д о м а в Нью-Джерси, я уже не говорю про мой любимый штат Кентукки.

* * *

Правда, как-то раз мне повезло — и я нашел хороший дешевый вариант. «Двушка». 55 квадратных метров. Рядом с набережной. Всего 40 тысяч. Свободна. Сказка.

Я позвонил по указанному в гениальной газете «Из рук в руки» телефону. Со мной говорили очень вежливо, но с каким-то подозрительным акцентом. После того, как я представился, робко рискнул поинтересоваться:

— С кем имею честь беседовать?

— С хозяином квартиры, — услышал я в ответ, — меня зовут Мага. Знаешь, дорогой, ты мне сразу понравился, я могу тебе снизить цену и до двадцати тысяч, только возьми. Если хочешь, сделку оформим прямо сегодня. За тобой заехать? Ты где находишься? Или, может быть, сам заедешь?

Я от услуг доброго Маги быстро оказался. Он меня удивил своей простотой. Мне даже показалось, что если бы я согласился к нему заехать, то он мог бы запросто попросить меня вместе с деньгами прихватить с собой утюг...

* * *

Мага на следующий день сам позвонил мне на работу, у него, к моему большому сожалению, оказался определитель номера.

Я ответил четко, как бравый солдат, что свой квартирный вопрос уже решил.

Мага предложил еще снизить цену. До пятнадцати тысяч!

Но я — даже несмотря на свою глупую страсть покупать дешевые вещи — проявил несвойственную мне благоразумность.

* * *

Потом я обратился в риэлтерские конторы. Там мне подыскали ряд вариантов. Одна квартира находилась в романтическом, но чудовищно загазованном Замоскворечье. «Трешка». 60 квадратов. 55 тысяч. Мне — даже несмотря на экологию! — квартира понравилась. Понравилась она и дяде. Мы дали «добро». Но в самый последний момент, когда мы уже прощались в коридоре с хозяйкой, она выпалила такую фразу:

— А Вы, Женя, везунчик, мы ждали двенадцать лет, когда нам телефон распрят, а Вам подфартило — Вам распрят уже через два месяца.

Я знаю, что такое в нашей стране подождать «два месяца». В лучшем случае это значит подождать два года.

Мы с дядей отказались.

* * *

В другом агентстве мне подыскали «трешку» на «Динамо» (милое название, не правда ли!). За 59 тысяч. Я тоже было согласился. Но фирма не обеспечивала гарантии выписки людей из квартиры. Точнее, обеспечивала, но только на словах.

— А куда они денутся? — невозмутимо говорила мне маклер Оля. — Если откажутся, мы их выпишем по суду. Или они деньги вернут.

Но дело в том, что в договоре ты пишешь одну сумму, а выплачиваешь совсем другую... Соответственно, по суду можно отсудить только ту часть денег, которая указана в договоре. Кроме того, пока заявление дойдет конкретно до суда, может пройти еще года два. А выписать людей против их воли просто нереально.

* * *

Короче говоря, ни хрена я не купил.

* * *

Через две недели мне позвонил мой старинный приятель Леша Андроньев, директор издательства «Кремлевские куранты».

Он протараторил:

— Старик, есть возможность получить квартиру. Фактически — по гос. расценкам. Дом кирпичный. На Таганке. «Трешка». 75 квадратов. Две лоджии. Два санузла. 65 тысяч долларов. Взятка — три тысячи. Гарантии никакой. Шанс реальный.

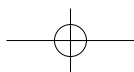
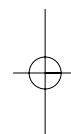
* * *

Я согласился. Я отвез три тысячи. И стал ждать. Жду и до сих пор. Леша говорит, что в этом году мэр Лужков должен подписать все документы. А в январе якобы заселение...

27.11.1996
Вешняки

II

НАСЕЛЕНИЕ ДРУГИХ ГОРODOB

КАК Я РАБОТАЛ ГИДОМ В ЕВРОПЕ

Кое-что в этой жизни испытать я все-таки успел. Сидел в кутузке в Швейцарии (пусть и совсем недолго), ночевал на улицах Нью-Йорка и Парижа. Всякое бывало. Но все это — жалкие цветочки по сравнению с моим тяжким опытом работы сопровождающим туристических групп.

* * *

...Это раньше, в золотые годы «застоя», за границу советских людей отправляли только две замечательные организации — Интурист и КГБ. Сейчас — отправляют все, кому не лень. Туризм советских людей принял для иных стран просто угрожающий характер. Русские — всюду! Только ленивый не побывал где-нибудь на Мальдивах или Гавайях. Про Париж и Нью-Йорк я вообще не говорю.

* * *

Турфирма, в которой я работал, специализировалась на Европе. Мы совершали автобусные туры по следующему маршруту: Москва-Варшава-Берлин-Прага-Париж-Люксембург-Берлин-Варшава-Москва.

Расскажу только об одной поездке.

* * *

Эта группа состояла из... с е м и д е с я т и человек. И когда я собирался в поездку, моя добрая подруга Оля Поздняя, которая была занята в свое время в аналогичном бизнесе, пожелала мне только одного: «Женюра, вернись на Родину живым...»

* * *

...Я встретил свою веселенькую группку на Белорусском вокзале (до Польши мы ехали на поезде).

Среди туристов было много детей. Слава Богу, с ними оказалась классная руководительница, на которую я возложил ряд обязанностей.

Прямо у вокзала ко мне подошла одна мамаша и вручила, точно новогодние подарки, двух своих несовершеннолетних ребятишек тринадцати и пятнадцати лет. Соответственно девочку и мальчика. Лешу и Машу. Я стал персонально отвечать и за них. Сама мамаша вместе с нами не ехала, поскольку через три дня отбывала с мужем отдыхать в Египет...

Забегая вперед, скажу, что поначалу я детей опекал весьма активно. Покупал им мороженое, конфеты. Но, видимо, покупал не то. Уже в Варшаве, в первом попавшемся магазине, Маша приобрела весьма эффектную кофточку и поспешила мне похвастаться:

— Дядя Женья, смотрите, какую я купила развратную штучковину. Отпад!

После чего, опасаясь непредвиденных последствий, опекал конкретно Машу я стал несколько меньше.

* * *

В Прагу мы ехали уже на автобусе (двухэтажном). По дороге он благополучно сломался. Пришлось звонить в нашу принимающую фирму и просить заменить автобус.

Сотрудники фирмы решили автобус не менять, но пообещали прислать механика.

Он приехал. Через сутки.

За это время я разместил людей в близлежащей гостинице. Еще на один день. Принимающая фирма обреченно оплатила.

* * *

Пока автобус починали, пропал один из туристов. Мальчик.

Его моложавая, милая мама — Татьяна Ломацкая — была, мягко говоря, сильно взволнована. Она схватила меня за рукав, запихнула в такси и повезла в полицию. Там она начала кричать, что пропал ее малолетний сын.

Чешские учтивые полицаи стали спрашивать приметы малолетнего сына.

— Он совсем несмышленный, маленький, — сквозь слезы причитала несчастная мать, — рост сто восемьдесят сантиметров, размер обуви сорок пятый, семнадцать лет.

Молоденький офицер галантно пригласил нас в полицейскую машину, и мы поехали по ночной Праге искать малолетнего сына семнадцати годков отроду. Нашли. Совершенно случайно. Виталик забрел в ночной клуб. И безмятежно пил пиво. Очень удивился, что мы его разыскивали, оказалось, он предупредил мать, что вернется в гостиницу поздно ночью.

* * *

А публика тем временем начала показывать характер.

Утром в Праге, на завтрак, парочка молоденьких женщин, Бубенчикова и Рачкова, опоздали, как говорится, к раздаче, а школьники, разумеется, не опоздали. На столах было неряшливо. И несколько пустовато.

Бубенчикова и Рачкова стали требовательно спрашивать, где еда? Я объяснил, что на столе. Нужно, мол, подойти и взять свою порцию.

— Не будем!

— Кто же за вас это должен сделать? Я?

— Неужели мы?

Я не стал препираться, просто отдал им свой сухой паек, заготовленный мной еще дома, в Москве.

* * *

Лучше всех вели себя пожилые, восьмидесятилетние евреи Берс Аронович и Марта Вениаминовна Розенберги. Ничего, что они то и дело задавали «детские» вопросы типа «А в Брно мы будем? А в Дрезденскую галерею зайдем? А по Нилу покатаемся на плотах? А Ниагару увидим?»

Иногда мне казалось, что они что-то перепутали и просто совершают кругосветное путешествие. Но я отдавал себе отчет в том, что восемьдесят лет — дело серьезное. И многие вещи в столь уважаемом возрасте элементарно можно перепутать.

Я отвечал пожилым людям просто и лаконично — едем строго по маршруту.

Этим ответом я, вероятно, только укреплял их таинственные наполеоновские планы.

* * *

В Париже я поселил всех в очень хорошей гостинице, прямо в центре города, на площади Италии. Правда, при размещении выяснились странные обстоятельства. Супруги Зотовы, ранее всегда располагавшиеся в одном двухместном номере, неожиданно пожелали жить в отдельных одностанных номерах.

Зотовы поссорились.

— Я хочу спать в отдельной кровати и в отдельном номере! — особенно решительно настаивал Зотов-муж.

— И я хочу спать отдельно (не уточняя от кого!) — говорила Зотова-жена.

Я долго любезничал с девочкой-марокканкой, менеджером отеля. Каких только комплиментов я ей не наговорил! Пришлось даже наврать, что я обожаю Марокко и провожу там все свои отпуска.

Девочка верила с трудом. Но мило улыбалась от сентиментальности.

Проблему решили, не переплатив ни франка. Поселили-таки супругов в отдельных номерах.

Но тут же возникла другая проблема. Оказалось, что школьникам (а со мной ехало около двадцати тюменских девятиклассников) выдали ключи не от обычных номеров, а от семейных... То есть номера были, как мы и договаривались с принимающей стороной, двухместные, но кровати там стояли семейные, двуспальные. В каждом номере — одна огромная кровать. Наши поляки опять что-то перепутали, забронировали не те номера.

Девочка-марокканка, отбросив невыгодную сентиментальность в сторону, точно милую, но бесполезную вещь, сурово объяснила мне, что поменять с т о л ь к о номеров невозможно. Точнее, возможно. Но это стоит денег. И больших.

Я задумался — что же делать?

Как ни странно, проблема разрешилась сама собой, и очень просто. Тюменские школьники выразили подозрительно активное желание провести ночи в Париже именно в семейных кроватях...

* * *

В Париже от принимающей стороны с нами работала гид Яна, полька, живущая во Франции. Нужно признать, она старалась. Куда только нас ни водила! Мы посетили величественный Лувр и захолустный Версаль, поднялись на скрипучую и качающуюся Эйфелеву башню, сходили в умопомрачительные Диснейленд и аквапарк, сделали сладостно-неизбежный шопинг, и цетера, и цетера.

Однако туристы почему-то совсем не радовались жизни.

— Зачем нас привезли в «Тати»? Здесь такой дешевый товар! — кричали они в одном месте.

— Зачем нас привезли в Дефанс? Здесь в магазинах все дорого! — кричали в другом...

И т.д.

* * *

В Париже мы пробыли около недели.
Я привык к постоянному стрессу и сну размером в пять часов.
Я понял, что такова моя селяви. И не грустил.
А разные мелкие приключения продолжались. У Бубенчиковой пропал фотоаппарат.
Она прибежала ко мне в номер и начала, извините за каламбур, бубнить:
— Вы за это ответите! Если бы у Вас фотоаппарат пропал, Вы бы его обязательно нашли. Знайте, если не найдете мой «Кодак», я из гостиницы не уеду.

Я бы, конечно, очень этого (чтобы Бубенчикова не уезжала) хотел. Но — промолчал. Глубоко в душе я жалел работников гостиницы. Они и не подозревали о тех мрачных перспективах, которые опасно замаячили на их горизонте.

* * *

Иногда, в редчайшие минуты свободного времени, я позволял себя немного поразмышлять на отвлеченные темы, повспоминать не худшие времена «застоя», когда для того, чтобы выехать за границу, требовались комсомольские и партийные характеристики, справки из поликлиники. И т.д. Как показала жестокая жизненная реальность, это были не самые бесполезные процедуры. Все-таки выезжало не так много неадекватных людей. Но это так — к слову.

* * *

Работал я в туристическом бизнесе не слишком долго. Менее года. Ушел из него окончательно и бесповоротно, чтобы навсегда не заболеть грешной болезнью мизантропии.
Все-таки лучше за границей отдыхать, а не работать.

1996
Москва

В ЛУЧШИХ ДОМАХ ФИЛАДЕЛЬФИИ

Только сейчас, спустя годы, я начинаю понимать, как нахален, неосмотрителен, порой просто безрассуден я был в молодые годы.

...Позвонил мне как-то в начале девяностых мой приятель Игорек Тараскин, видный советский фотограф, и сказал:

— Старик, мы с тобой отстали от жизни, пока мы делали интервью и фоторепортажи, все умные люди уже сделали «бабки» либо отвалили за кордон. Пора и нам. Не навсегда, кстати. Нарубим «капусты» и вернемся.

Я начал задавать занудные вопросы типа «А что мы там будем делать?»

Игорек отвечал, что работы навалом. Больше того — нас, мол, уже ждут. Будем, дескать, диспетчерами в таксомоторном парке. Или кем-нибудь еще.

И в скором времени нам в самом деле прислали из США приглашения.

Получили мы визы. И — не поверите! — даже не созвонившись с принимающей стороной, вылетели в Америку.

— Там на месте договоримся! — решил отчаянный, истинно русский человек Игорек.

Я же (все-таки есть во мне что-то подозрительное!) на всякий случай подстраховался и позвонил своему давнему товарищу по длительной переписке, эмигрантскому поэту Мише Трутневу.

И — оказался прав.

Только Миша нас в аэропорту и встретил. Друзья Игорька про нас забыли решительно и бесповоротно.

Переночевали мы у Миши, в Филадельфии (он нам машину подал аж в Вашингтон, куда мы прилетели). Друзья Миши предложили Игорю остаться, но Тараскин рвался в Нью-Йорк, на заработки. И укатил. А я остался в Филадельфии, у Миши.

* * *

Он жил с мамой, милой еврейской старушкой лет семидесяти пяти. Мама получала восьмую программу (это и денежное пособие, и бесплатное медицинское обслуживание, и так далее). Миша получал, как и мама, велфер, то есть пособие по безработице. Не работали они за двадцать лет эмигрантского бытия ни часа.

* * *

Первый день в Америке прошел для меня спокойно.

Я гулял по городу вместе с Мишей. Удивлялся незатейливому пейзажу русско-еврейского райончика города. Скучные, однообразные двухэтажные домики, спокойные улицы, никаких небоскребов, никаких проституток на улице. Экзотики — ноль. Но зато спокойно, сытно, уютно. Рядом с Мишиным домом находился бассейн под открытым небом. Бесплатный. Бедные люди (в основном советского происхождения) там в уикенды купались. Богатые купались в своих собственных бассейнах.

Говорили мы с Мишей на одну тему. О нем. О его гениальном, неповторимом, великом, эпохальном и т.д. творчестве.

— Если честно, старик, знаешь, в чем твое основное предназначение? — как-то раз спросил меня Миша.

И тут же сам ответил на свой вопрос:

— Ты должен добиться того, чтобы мне дали Нобелевскую премию. Понимаешь, я великий, а премию дают всяким жидам, типа Бродского.

Как Вы понимаете, Миша тоже был евреем и в США выехал именно по израильской визе. Впрочем, себя он считал похожим на римского патриция, а отец, говорил, у него англичанин.

Я слушал Мишу молча. Его это не устраивало. Он «заводился».

— Ну что, ты считаешь, что Бродский заслуживает Нобеля?

— Уверен, — отбивался я, — что не будь Бродский евреем, не побывай он в ссылке и в эмиграции, не будь он, в конце концов, действительно очень талантливым человеком — премии бы ему не видать. Тут все совпало.

— А у меня что, не совпало? — кипятился Миша. — Двадцать лет страданий на чужбине, стихи в е л и ч а й ш е г о (Миша выговорил почти по слогам) накала — все с подлинной любовью к Родине. А сколько книг я собрал для России! Составил картотеку. Преподнесу в двухтысячном году в дар нашей с тобой Родине.

Я одобрительно улыбался и старался отмолчаться.

* * *

Каждое утро Миша стабильно будил меня в семь утра, и мы уходили заниматься, как он говорил, бизнесом. Мы искали деньги. В прямом смысле этого слова.

— Смотри, Женька, я квотер нашел! — кричал счастливый Миша, увидев двадцатипятицентовую монетку.

— А вот гривенник, тоже пригодится! — вторил Трутневу я, найдя десять центов.

Иногда нам крупно везло — кто-нибудь из нас находил «токин». Это жетон для метро стоимостью доллар двадцать пять центов.

Монеты лежали повсюду, особенно денежные места были в районе стадиона, рядом с бассейном и на бейсбольном поле.

* * *

Любил Миша мне делать подарки — он брал меня, например, в еврейский клуб, там продавались кроссовки по доллару, костюмы по два бакса, другие полезные вещи за мизерные деньги. Миша платил!

* * *

Иногда мы грешным делом ходили и на помойки. Миша очень любил там находить различные ценные вещи. То статуэточку какую-то отыщет, то новый телевизор. Помойки в Филадельфии — это особый разговор. Люди выбрасывают все что ни попадя. Если бы все это можно было бы вывести в Россию, Америка стала бы самым чистым государством в мире. Увы, перевозка дорогая.

* * *

Так мы и жили — разговаривали о Мишиной гениальности, искали деньги, ходили на помойки, смотрели телевизор, читали книги.

* * *

Иногда к нам навевывались гости. И мы опять говорили о Мишиной гениальности, щедрости, доброте. Другие (не хвалящие поэта) люди в дом не приходили. Тут Мише надо отдать должное — он был, точно Сталин, последователен.

* * *

Однажды к нам пожаловал видный меценат Игорь Палкин, главный редактор литературно-художественного журнала на русском языке «Эпопея». Журнал выходил тиражом сто экземпляров и пользовался известностью в узких кругах творческой русскоязычной интеллигенции.

Как-то уж так получилось, что Игорь прямо с порога начал кричать:

— Женя, какие у Вас красивые глаза, какие у Вас красивые глаза! Поехали, я Вам покажу центр Филадельфии.

Я был молод и глуп. Я поехал. Мы ходили по центру го-

рода, он действительно оказался красивым. Большие стеклянные небоскребы, уютные старинные особнячки, оживленные веселые улицы. Я начинал понимать, что Филадельфия — это не только наш русско-еврейский район. Мы ели мороженое, фисташки, посидели в кафе, где сожрали по аппетитному гамбургеру, посетили порно-шоп, зоомагазин. Все шло прекрасно.

* * *

Стали возвращаться. По дороге заехали к Игорю в гости. На полчаса, как он выразился. Начали выпивать.

Тут я должен сделать нравоучительные ремарки: дамы и господа, если вам наливают водку с апельсиновым соком, значит, вас хотят соблазнить.

Тогда я этого еще не знал.

Я выпил много. Чуть не потерял сознание. Прилег. Игорь попытался меня поцеловать. Я его оттолкнул. Он начал приставать опять.

Я понял, как тяжело быть женщиной.

В итоге он ушел к себе, а я так и не сомкнул глаз — боялся новых поползновений на свою мужскую девственность, которую мне все-таки геройски удалось сохранить.

* * *

От Игоря я сбежал. Но и к Мише возвращаться не хотелось. После этого я жил еще у огромного количества людей в Филадельфии. А потом и вовсе уехал в Нью-Йорк, где у меня началась совсем другая жизнь.

* * *

Спустя несколько лет я вновь приехал в Филадельфию, уже по журналистским делам. Практически никому из прежних знакомых я не звонил, никого не видел. Кроме...

Игоря. Мы — совершенно случайно так получилось! — встречали Новый год в одной компании, компании новых моих (и как выяснилось, его) друзей. Игорь потерял работу, постарел. Но бодрости духа не утратил, держался молодцом. Даже подарил мне хорошую кожаную куртку.

Кстати говоря, Игорь каким-то своим сверхъестественным, непостижимым шестым чувством заранее узнал, что я приеду. И на стенах дома, где мы отмечали Новый год, за несколько часов до моего приезда написал немало милых, а также шутейных слов обо мне. Например, таких: «Ура, к нам едет резидент из бывшего Советского Союза».

Было весело.

* * *

Сейчас я живу и вовсе в Москве, даже не в Нью-Йорке. Ностальгии по Филадельфии нет.

1997

Есенинский бульвар

ПОСЛЕДНЯЯ ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Когда-то давно, несколько лет назад, я по стечению журналистских обстоятельств был стажером французского журнала для подростков «Фосфор». Денег мне за это не платили, но обеспечивали жильем, которое находилось под Парижем, в маленьком городке Мант ля жоли. Это примерно полчаса езды на электричке. Поскольку мой начальник по стажировке — заместитель главного редактора журнала Жан-Жак — вскорости стал моим ближайшим другом, условия стажировки были весьма свободные: ходил я в контору не слишком часто, в основном занимался своими делами, а именно писал книжку о русских в Париже.

А по вечерам возвращался в родимый Мант ля жоли.

Денег, повторю, не было совершенно. И посему ездил я всегда, каюсь, каюсь, без билета. И в метро (перепрыгивая турникеты, как большинство парижской молодежи), и в пригородных электричках.

* * *

В двухэтажных пригородных французских электричках есть замечательные тамбуры. А в них что-то вроде железных шкафов-подсобок. Вот в этих вместительных железных ящиках я и провел многие часы своей кочевой жизни.

* * *

Однажды я чуть не опоздал на последний поезд — прибежал на вокзал Сан-Лазар где-то около часа ночи. На перроне находилось уже не так много народа. Какой-то здоровенный негр целовался с молоденькой белой девушкой, несколько тинэйджеров с цветными рюкзаками за плечами бежали на свой поезд. У первого встреченного парня я спросил, где поезд на Мант. Парень показал рукой.

И я, проворный, точно истинный парижанин, запрыгнул в электричку. И — в свой шкаф.

* * *

Поехали. Все пассажиры — их оказалось немного (электричка-то последняя!) — уселись на втором этаже. Я — в шкаф. Сидел и думал о превратностях своей судьбы и о том, как тяжело в этом мире приходится любителям приключений.

* * *

Вдруг в тамбур вошла эта парочка — здоровенный негр и белокурая девчонка.

Опять начали целоваться. Потом — я глазам своим не поверил! — темпераментный негр расстегнул (это ж надо!) ширинку. Я зажмурил глаза. Заерзал. И башкой ударился о свой железный шкаф. Ребята на минутку замерли. Осмотрелись по сторонам. Негр на всякий случай ширинку застегнул. Потом — успокоившись — они опять начали целоваться.

Слава Богу, на следующей остановке вошли другие люди. Влюбленная парочка удалилась на второй этаж. Я было облегченно вздохнул. Но — преждевременно. Дело в том, что вошедшие новые пассажиры оказались ментами, то есть самыми обыкновенными гадкими полицейскими. Я опять — само напряжение, струна натянутая как нерв. А менты начали болтать о чем-то своем, ментовском. С ними — баба, тоже, мать ее, полицейская. Вот баба-то и залезла зачем-то в «мой» шкаф. А там я — во всей своей коммунистической красе. Потребовали документы. Я предъявил потрепанную краснокожую паспортину. Ничего, не высадили. Это, как мне они объяснили, «не их бизнес — ловить безбилетников». А виза у меня была — чики-чики, в порядке, в розыске я тоже не состоял.

Мы посмеялись. Менты попались добродушные, даже пожелали мне удачи, назвали камарадом. Спасибо.

* * *

Менты вышли. Я опять — в шкаф. Не дай Бог — контролеры нагрянут. Эти либо высадят, либо в полицию отведут. Я сидел в шкафу и не высовывался.

* * *

Как на грех, опять нагрянули негр с белой девушкой. «Процесс» продолжился. И благополучно закончился. По всей программе. Прямо у меня на глазах.

Поймите меня правильно, я тоже человек. Я воз-

будился. Я начал излишне ерзать в своем шкафу. Короче говоря, Вы все понимаете, шкаф открылся.

Я сказал, как истинный интеллигент: «Добрый вечер!»

Девушка упала в обморок. А негр, поражая мое и без того измученное воображение, почему-то заорал благим матом:

— Арабы поезд заминировали!

Это он, падла, меня за араба-террориста пренебрежительно принял.

* * *

Потом негр успокоился. Мы вместе начали откачивать затраханную им и тяжелой парижской действительностью девушку.

Откачали.

1991
Вешняки

III

**ИЗ РАССКАЗКОВ
ПРО СИДОРА
ИВАНОВА**

СИДОР ИВАНОВ ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

Иванову тридцать пять лет. Иванов двенадцать лет провел вдалеке от отчего дома. Учился, работал. Иванов жил в общежитиях, коммуналках, малогабаритных квартирах, у женщин. Устал. От неустроенности, неприкаянности. От всего. Вернулся к родителям. Поселился в комнате с младшим братом.

Мама Иванова стала проявлять заботу.

— Сынок, давай я тебе трусы постираю. Сынок, давай я тебя постригу...

Иванов понял, что у него больше нет ничего своего — даже трусов. No privacy.

Впрочем, у Иванова оставался компьютер. Однако он однажды сломался. Иванов вызвал мастера, чтобы тот починил компьютер.

Мастер пришел. И очень не понравился родителям.

— Сынок, пусть он больше не приходит! — сказала потом Иванову мама. — Мы привыкли жить одни. К нам никто не ходит.

— Но ведь он был только в моей комнате, никому не мешал, — попытался возразить Иванов.

— Нет, — подключился к беседе папа Иванова, — он еще был в туалете. И теперь в туалет невозможно войти — пахнет куревом. Этот твой друг, видимо, настолько много курит, что просто пропах табаком.

Иванов ушел в свою комнату. Лег на диван. И заплакал. Ему было жалко самого себя.

20.11.1998
Замоскворечье

СИДОР ИВАНОВ И ГАЛИНА

Они жили в одном доме. Иванов был разведен, Галина — замужем. Ее муж работал в театре, актером на вторых ролях. Он приходил домой очень поздно. Ей бывало скучно и одиноко. Тогда она заходила к Иванову, минут на двадцать-тридцать, они быстренько предавались разврату, а потом разговаривали о поэзии, и — она уходила.

Так продолжалось полгода.

Потом Галина вместе с мужем переехала на другую квартиру.

8.10.2001

Есенинский бульвар

ПАРТНЕРЫ СИДОРА ИВАНОВА

Друзей у Сидора Иванова не было. Были партнеры. По воспитанию ребенка (бывшая жена), по бизнесу, по доморощенной психотерапии (телефонные собеседники), по выпуску журнала (авторы, корректор, верстальщик).

Всех своих партнеров Иванов очень любил, привязывался к ним, но знал: он — один в этом мире, в с е — кроме, разумеется, родителей! — без него обойдутся.

Длинноногая, изящная, умная девчушка Эоа, глядящая на мир огромными печально-злыми (бывает, увы, и такое!) глазами, тоже была его партнером. Самым главным. По созданию... ребенка. Во всех других ампулах она его интересовала меньше, хотя он обожал — почти наркотически! — часами трепаться с ней по телефону, предаваться изысканному, разнообразному разврату и т.д.

Потом она отказалась быть партнером Иванова по созданию ребенка. И они расстались.

13.03.2001

Есенинский бульвар

СИДОР ИВАНОВ И ВИКА БУДАНОВА

Они познакомились через службу знакомств. Позвонила она. Как более сильный человек. Он тут же пригласил ее в гости. На третий вечер она отдалась.

Они встречались раз в неделю, по субботам. Семь лет подряд.

Секс между ними длился недолго — 10-15 минут. Потом они разговаривали минут сорок, и — девушка уезжала.

За семь лет Вика ни разу не приготовила Иванову поесть, он не купил ей ни одного дорогого подарка. Любили они друг друга или нет — непонятно. Но были вместе семь лет. Тут есть о чем задуматься.

8.10.2001

Есенинский бульвар

СИДОР ИВАНОВ И АНЯ КРИВОВА

Аня (жительница Твери) пришла к Иванову в гости. Он ее раньше хотел, а сейчас не запал на нее. И начал рассказывать про себя всякие небылицы — какую он ведет беспорядочную половую жизнь, какие у него тлетворные холостяцкие привычки и т.д. Аня обиделась и сказала, что ей пора домой. Иванов проводил ее до метро, вернулся домой и, счастливый, заснул.

8.10.2001

Есенинский бульвар

СИДОР ИВАНОВ И ПИАНИСТКА

— Девочка-дрянь, отрава, московская пианистка-Юппер, ты оказалась не супер-пупер, ты просто трусиха, ты боишься жизни, как боится Эрика, ты начиталась латиноамериканской литературы.

риканских волшебных книжек, посмотрелась французских фильмов, но в реальности все по-другому, и ты остаешься с мамой, и ненавидишь весь мир, и проявляешь свою тихую жестокость только по отношению к тем, кто тебя любит. А таких единицы. А всем остальным на тебя наплевать.

8.11.2001

Есенинский бульвар

СИДОР ИВАНОВ И ЮЛИЯ

Когда в середине девяностых Иванов был директором рекламного агентства, у него было много денег, а, следовательно, и много женщин. Одну из них звали Юля. Она работала у него менеджером. Когда все сотрудники вечером уходили, Иванов и Юля занимались на работе не только производственными делами, но и разными другими. В общем, можно сказать, что Иванов и Юля по-своему любили друг друга.

Потом они поссорились. И расстались. Юля родила от собственного мужа милого сынишку. Иванов уехал за границу, в Америку, где занимался неизвестно чем. Затем вернулся, начал издавать собственный некоммерческий журнал.

Прошло пять лет.

Юля развелась с мужем. Сама зарабатывала себе на жизнь. Иванов кое-как держался на плаву.

Юля позвонила Иванову и сказала:

— Сидор ты лютый, свинья подлая, я слышала, ты издаешь навороченный журнальчик. Не возьмешь меня на работу?

— Нет, — ответил Иванов, — я, наоборот, сейчас сокращаю штат. Дела идут очень плохо. Деньжат все меньше и меньше.

— Не возьмешь — и не надо, — неожиданно быстро со-

гласилась Юля, — тогда давай просто встретимся.

Встретились. Дома у Иванова Юля сказала:

— Я теперь дама серьезная, я мама. Бескорыстно любить тебя больше не могу. Давай я буду твоей любовницей, а ты мне заплатишь тысячу долларов.

— Это за какой период? — спросил расчетливый Иванов.

— А, да мне все равно! — сказала Юля, не потерявшая даже при нашей сумасшедшей и прагматичной жизни романтизма.

Иванов очень хотел Юлю. Но еще больше он хотел сохранить тысячу долларов.

— Может быть, возьмешь книгами? — спросил Иванов. — У меня неплохая коллекция фолиантов по искусству!

Юля полистала книги. И отказалась.

— Впрочем, нет, — вдруг сказала она, — я знаю, у тебя в Америке вышла книга рассказов. Давай меняться. Ты мне книгу, а я тебе лифчик покажу.

Иванов охотно согласился. Сняв кофточку, Юля залезла на стол (что она и ранее обожала делать) и начала танцевать.

На следующий день она приехала опять.

В тот день Иванов сэкономил тысячу долларов. Через месяц Иванов и Юля по традиции поссорились. И вновь расстались. Видимо, опять на многие годы.

1998

Есенинский бульвар

СИДОР ИВАНОВ И ЖАННА

Девушку звали Жанна.

Жанна, Жанночка, Жанетта, одинокая железная леди, девочка в штанах, ковбой в элегантной шляпке.

Иванов общался с Жанной по телефону. Трепались они

обо всем. Жанна рассказывала Иванову о своих воззрениях на жизнь, проблемах, о своих неудавшихся романах.

Иванов слушал. И рассказывал ей о своих воззрениях на жизнь, проблемах, о своих неудавшихся романах.

Они сходились в том, что Москва живет по законам Америки, точнее, по законам большого американского города: ютимся в квартирках, вкалываем как сумасшедшие, есть работа — есть все, нет работы — нищета. Личная жизнь — сам таймс.

...Однажды Жанна пригласила Иванова к себе в гости. Он купил торт, шампанское. Приперся. Ему понравилась ее малогабаритная двухкомнатная квартирка. В ней не было ничего лишнего. Кухня — чтобы есть. Спальня — чтобы спать.

Иванов хотел поговорить. Только поговорить.

Через полчаса она выключила свет, достала из тумбочки презервативы и попросила Иванова о том, о чем обычно просят женщин мужчины.

...Иванов шел домой и думал о том, как все неправильно в этом мире.

20.11.1998

Замоскворечье

СИДОР ИВАНОВ И НЕЗНАКОМКА В МЕТРО

Иванов возвращался с дачи. Ехал в метро с «Беговой» до «Рязанки». Уставший, голодный, небритый. Из-под ногтей зияла не смываемая холодной водой черная земля. Никто не обращал внимания на внешний вид Иванова — все понимали: перед ними дачник, кулак, шестисоточник.

И вдруг в вагон вошла девушка, о которой Иванов мечтал, может быть, всю жизнь. Длинная, худая, голубоглазая блондинка. Она села напротив Иванова, достала книжку «Язык жестов» и начала читать. Потом вытащила из сумочки бутыл-

ку пива. И, читая, весьма сексуально стала потягивать «Клинское». Иногда она отрывалась от книги и пива, и тогда Иванов имел возможность заглянуть в ее очень умные, добрые глаза.

Заговорить с ней — в таком-то виде! — Иванов не мог. Он просто глядел на нее, точно загипнотизированный. Он был поражен тем, что идеальный женский образ, сложившийся ранее у него в голове, Всевышний опять являл ему в действительности.

Иванов и незнакомка сидели друг напротив друга минут семь-восемь. На ум дачнику пришло печальное стихотворение «Эскалатор» какого-то малоизвестного поэта.

*Городской народ
По делам спешит.
Кто-то вверх идет,
Кто-то вниз бежит.
Кто-то увидал
Два зрачка родных.
Больше никогда
Не увидит их.*

Иванов и незнакомка вышли вместе на «Рязанском проспекте». Девушка пошла в другую сторону. Не в ту, в которую надо было Иванову. Однако он (разумеется, не расставаясь со своими громоздкими дачными сумками) засеменял за ней, точно собачонка за хозяйкой. Потом девушка села в автобус. И уехала. В какую-то непостижимую страну реализовавшихся грез.

*30.04.1999
Замоскворечье*

ВОЗРАСТ

День рождения закончился, гости разошлись по домам. Иванов остался с самим собой. Наедине. Иванову исполнилось... Впрочем, какая разница.

Иванов начал думать: а что же он успел сделать в своей кочевой, стихийной жизни?

Он сочинил какие-то книжонки, кому-то — как мог — помог, объездил вдоль и поперек многие страны, он понял, что мысль материальна — нельзя даже думать плохо о людях. Случайный тяжелый взгляд одного человека на другого и — на противоположном конце планеты начинаются землетрясения, войны, перевороты... Не надо хмуриться. Не надо жалеть добрых улыбок и добрых слов. Нужно научиться быть человеком. Попросил о чем-то друг — отдай, увидел на улице пьяного — подними, приказали убить — не убивай. Заchtetся всем. Каждый человек, точно атлант, держит на своих руках всю Землю. Держать трудно. Однако необходимо.

Неожиданно в дверь Иванова позвонили. Он пошел открывать.

1991

Вешняки

СИДОР ИВАНОВ И АРМЯНЕ

Армяне красили стены в подъезде. И зашли к Иванову:
— Хозяин, хочешь, мы тэбэ в квартире потолок побэлим?
Торговались не долго. Договорились. О комплексном ремонте.

Вечерами армяне приходили к Иванову и клеили обои, белили потолок, стелили новый линолеум.

Сделали неплохо. Договорились о ремонте дачи.

— Что вы можете сделать? — спросил Иванов.

— Все! — ответил один из армян. — Такой тэбэ крылец сдэлаем — закачаешься. Можем даже дом построить. Новый! Если хочешь...

Поехали на дачу. Две недели делали ремонт. Построили новый забор, предбанник, домик 6х4, из старых теплиц соорудили сарай.

В армянах Иванов обнаружил много различных черт — и положительных, и не очень... Они не пили, не транжирили деньги на дорогую еду (если очень скромно), вкалывали с утра до вечера. Но вот делали все как-то не основательно. Соорудили потолок на террасе — даже толь не постелили, сразу шифер, о черном поле и слышать не хотели, и т.д.

Иванов контролировал армян, и, в принципе, они делали все то, что он от них хотел.

Воровали они немного. И очень забавно.

— Сидор, ты двойные рамы нэ заказывай, мы тут в поселке одного деда нашли, он сам сдэляет. За триста рублей.

— Да я фирменные за пятьсот привезу, — возражал Иванов.

— Нэ надо рамы за пятьсот. Дед за двести сдэляет.

Иванов соглашался. Он понимал, что армяне сделают сами, никакого деда просить не станут. Но он был доволен, в конце концов, он сэкономил и соглашался немного армянам доплатить.

Ремонт длился два месяца. Иванов рассчитался с армянами. И они уехали.

8.10.2001

Есенинский бульвар

СИДОРУ ИВАНОВУ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Владикю Кулакову

Только к тридцати пяти годам Иванов начал расставаться с наивным романтизмом. Только к тридцати пяти годам он осознал, что «Обыкновенная история» намного глубже «Алых парусов».

Только к тридцати пяти годам он понял правильность формулировок — «незаменимых у нас нет» и «свято место пусто не бывает». Сегодня женщина с тобой, завтра — если

поменяется хоть в чем-то ситуация! — окажется с другим.

Одна подруга Иванова, прекрасная, голубоглазая Ирочка, однажды сказала ему поразительные слова, которые тогда, года три назад, его, недотепу, обидели: «Если ты не будешь любить меня — я тут же тебя разлюблю. Невзаимная любовь не выживает. Если ты уйдешь, я найду другого, на кого смогу выплеснуть свои чувства». Теперь Иванов осознал, насколько Ирочка оказалась права. Любой человек прежде всего любит себя самого. Это естественно. И не нужно искать никакого Абсолюта в земной любви. Его просто нет. Раньше Иванов думал: но ведь только в Москве десять миллионов человек. Значит, нужно выбрать из этих десяти миллионов самого подходящего. Теперь Иванову было ясно: круг общения любого индивида — это пять-десять человек, а за жизнь каждый из нас встречается в лучшем случае с тысячей людей, из которых далеко не все милые дамы.

Марина Цветаева — святой бож Господень! — вывела одну из самых мудрых теорем счастья: «Что другим не нужно — несите мне: Все должно сгореть на моем огне!»

Вывод простой: никого не надо идеализировать, не стоит ждать какого-то сверхчеловека в своей жизни. Лучше любить того, кто рядом, кто, грубо говоря, подвернулся под руку... Юрий Любимов вспоминал по телевизору, с каким трудом утверждали Владимира Высоцкого на роль Гамлета на коллегии Министерства культуры СССР. Чиновники хотели видеть в этой роли кого-то более осанистого, представительного.

— А мне и этот сойдет! — отвечал Любимов.

30.04.1999
Замоскворечье

ИДЕТ КАК-ТО СИДОР ИВАНОВ С ГЛАВНЫМ МАСОНОМ

Идет как-то Иванов с главным масоном Москвы и хвастливо привирает ему о своих финансовых успехах.

— Вот сегодня, — говорит Иванов, — я заработал на рекламе три тысячи зеленых. А вчера... А завтра у меня вообще встреча с президентом Фонда реконструкции и развития по СНГ (тут Иванов не врал)...

Масон слушает Иванова и завидует.

А цель рассказней Иванова одна: убедить масона в том, что он, Иванов — крутой, серьезный мэн и ему можно доверить деньги для выпуска цветного иллюстрированного литературного журнала.

Подходят к метро (масон для конспирации обходится без авто и личного водителя). Иванов опускает руку в карман и обнаруживает, что у него нет жетона, залезает в бумажник — там ни рубля, шарит по карманам — ни копейки...

Ситуация. Иванов останавливает масона возле турникета, рассказывает ему свои традиционные байки, выигрывая время, а сам в ужасе лихорадочно и незаметно шарит уже по карманам рубашки, штанов.

Вдруг — о, счастье! — находит пять рублей в заднем брючном кармане.

Иванов и главный масон заходят в метро.

*1995
Тверская*

ИВАНОВ И ПЕТРОВ

Иванов пришел в гости к Петрову. Выпили. Разговорились. Как водится у русских, потянуло мужиков на философские разговоры. Петров был настроен пессимистически. Он делился с товарищем наболевшим.

— Да пусть рухнет сам Иерусалим, лишь бы Хаечка моя была жива! — говорил Петров, точно в пространство. — Эта известная еврейская максима очень мудрая и честная. И как показывает жизнь, всеобъемлющая. Что (кто) еще есть в этом мире, кроме детей, жены, матери, отца, дядюшек, тетюшек, других ближайших родственников?! Ничего. (Никого.) Все остальное — иллюзии. Никакой дружбы, тем более любви (без детей!) нет и в помине. Дружба — иллюзия, что можно получить нечто дешевле, чем оно стоит на самом деле. Любовь — хитрая реакция мозга, реакция самообмана, когда человек алчет вполне конкретных материальных вещей, а думает, что влюблен. Впрочем, любовь и влюбленность — совершенно разные понятия. Не понимая этого, мы часто бываем наказаны. Высшим разумом, сиречь Абсолютом. В Писании сказано — возлюби ближнего своего, как себя самого. Больше себя можно возлюбить только Бога. Что же делаем мы, грешные смертные? Уверяем сами себя, что кого-то любим больше самих себя. И — претендуем на душу другого человека, на его тело. А это антибожественно. А значит, и наказуемо. Любовь должна быть направлена на клан и на Абсолют. Все остальное, увы, только средство, чтобы Клану (сиречь самому себе) было хорошо. Вместе с тем приятные сердцу люди — не выдумки идеалистов. И слово «дружба» вполне имеет право на существование. Но только в американском смысле. Приятен тебе человек — товарищ. Виделись два раза — друг. ОК!

Иванов молча слушал Петрова. Отчасти соглашался с ним, отчасти нет. Больше всего Иванову не понравились рассуждения Петрова о друзьях. У Иванова они все-таки были. Настоящие друзья, не в американском смысле слова. Бывший одноклассник. И одна женщина, с которой они всю жизнь общались, поддерживали друг друга, при этом не вступая в интимные отношения.

1997
Париж

ПРО СИДОРА ИВАНОВА И МИХАИЛА БЕЛОВА, ИЛИ БУМЕРАНГ

С эмигрантом третьей «волны» Мишей Беловым Иванов познакомился на улице Бродвей, в городе Нью-Йорке. Около десяти лет назад. Иванов передавал Белову письмо от одной своей не близкой (тогда) знакомой. Передал. Разговорились. Почувствовали симпатию друг к другу. Обменялись телефонами и адресами.

С тех пор, когда Иванов прилетал в Нью-Йорк, Белов всегда встречал его и отвозил домой к той (ставшей уже близкой) знакомой.

Потом Иванов со своей нью-йоркской подругой расстался, уехал назад, в Москву. Связь и с Мишей, и со всем остальным заокеанским миром потерял.

Миша объявился спустя несколько лет. И не просто объявился, а буквально зачастил в Москву — он здесь открыл какой-то бизнес. В каждый свой приезд Белов радостно звонил Иванову, заезжал в гости. Приятели выпивали, размышляли о смысле жизни, вспоминали Нью-Йорк и т.д.

Однажды летом (Белов приехал тогда в отпуск один, без семьи) он печально пожаловался Иванову:

— Сидор, я устал от своей дурацкой семейной жизни. Танька меня не удовлетворяет, точнее, вообще со мной не трахается. Только пилит и пилит, гидра, по пустякам. Я хочу изменить свою жизнь. Познакомь меня с какой-нибудь красивой девушкой.

И Сидор, взяв грех на душу, помог товарищу. Познакомил его с Машей, своей давней знакомой, с которой у него были, как ни странно, вполне нейтральные, неинтимные, спокойно-дружеские отношения.

Иванов и Белов приехали в гости к Маше. Пили, ели, танцевали, разговаривали. Мужчины постоянно шутили, вспоминали Нью-Йорк, словом, хотели произвести на дам (Маша привела еще свою подругу Лену) неизгладимое впечатление.

Миша и Маша понравились друг другу. И уже следующую ночь они провели вместе.

Через неделю Миша улетел в Нью-Йорк и стал отсюда называть Маше. Пригласил ее в гости, пообещав оплатить все расходы. Маша, не будь дурицей, приехала. Миша снял ей на две недели квартирку. Они гуляли, обнявшись, по городу, Центральному парку, ходили в рестораны, театры. Казалось, Миша даже забыл о бизнесе и жене, и все время уделял только Маше. Впрочем, вечером Миша, стабильный, как расписание швейцарских поездов, уходил домой, в семью.

Предложения Маше он не сделал. Она и улетела восвояси.

По возвращении позвонила Иванову и трезво предположила, что, видимо, ничего путного из их романа с Мишей не выйдет.

Иванов резонно, хотя и несколько грубовато, ответил:

— Это исключительно ваше дело. Разбирайтесь сами.

Через полгода в Москву прибыл Миша. приятели встретились в кафе. Взяли пива, закусок. Миша начал спрашивать Сидора:

— Ты видишься с Машей, ты с ней разговаривал?

Иванов отвечал правду:

— Не вижу, но изредка, примерно раз в месяц, разговариваю с ней по телефону.

Выпив большую кружку зубодробительной «девятки», Миша начал жаловаться:

— Ты понимаешь, у меня такое ощущение, что меня обманули, обокрали.

— Почему?

— Она приземлилась в аэропорту, увидела меня и сказала: «Как здорово, что я в Нью-Йорке!». Представляешь, она не сказала: «Как здорово, что я вижу тебя!».

— А мне ее слова понравились бы. Из них выходит, что Маша — девушка честная. Во всяком случае, она не имитировала чувства. По-моему, это достойно уважения.

— Да, но потом она и вовсе отказалась от меня. Зачем же она приезжала?

— Наверное, она хотела узнать тебя поближе.

— Но почему, почему она не захотела быть со мной?

— По-моему, ты сам себе внушаешь, что это она так решила. Дело, на мой взгляд, не в ней. Если бы ты хотел ее — ты бы ее имел. Страсть рождает страсть. Женщины (как сама природа) признают только сильных мужчин. Только они, сильные, имеют право на размножение. Так устроено в нашем животном мире.

— А разве я слабый?

— Извини, но если ты спрашиваешь об этом, то — да. Впрочем, судить не мне. Я знаю только, что женщина — существо крайне рациональное, намного рациональнее нас, мужчин, наивных и романтичных дураков. Женщина видит в каждом мужчине сумму функций. Если положительные функции превалируют над отрицательными — она начинает тебя любить. Искренне и нежно, не отдавая себе отчета в том, что на самом деле она всего лишь совершает выгодную сделку. Мне кажется, твоя проблема, старик, в том, что ты сам до конца не определился — чего ты хочешь? Ты не хочешь жить с Таней, но ты с ней живешь. Ты хочешь быть с Машей, но ты ничего для это не делаешь.

— Это неправда! Ты передергиваешь! Я ведь пригласил ее в Нью-Йорк, потратил на нее три тысячи долларов... Дарил ей подарки.

— Ну и что?! Ты ведь и трахал ее за эти деньги. Твои действия говорят о том, что ты ничего в своей жизни менять не хочешь, но хочешь немножко романтического, красивого секса. И ты его получил. Но, видимо, Маше этого оказалось недостаточно.

— Но я же не могу бросить семью, у меня сын растет.

— Тогда зачем вообще было заваривать эту кашу?

— Я хотел посмотреть, что у нас получится. Мы должны были привыкнуть друг к другу.

— Ты забываешь, что времени ни у тебя, пятидесятилет-

него мужчины, ни у нее, тридцатилетней женщины, на обдумывание нет. Биологические часы идут полным ходом. А у нее наверняка к тому же нет желания сохранить свой статус незамужней дамы. Ты же фактически предложил ей тривиальную роль любовницы, содержанки, пытаясь привлечь ее Нью-Йорком. А он ей на хрен не нужен. Ей семья нужна. Твоя проблема, видимо, в том, что у тебя не оказалось ни страсти (она прошибает любую женщину!), ни большого количества денег (чтобы ее купить). Поэтому вы и расстались.

— А я думаю, причина в другом.

— В чем?

— Она в тебе. Мне кажется, вы — любовники.

— Тогда зачем я вас познакомил?

— Ну, если не любовники, то бывшие любовники.

— Это неправда. И вообще, я люблю худых, болезненно худых женщин.

— Но Маша как раз и есть худая.

— Для меня — нет. На вкус и цвет товарища нет. Надеюсь, хоть с этим ты не будешь спорить.

— Не буду. Давай вообще сменим тему. Мы же с тобой по-прежнему друзья. В любом случае, был ты с ней или нет — это уже не важно. И я тебя ни в чем не виню.

Приятель встал и пошел к метро. На прощанье они не обнялись, как обычно, а пожали друг другу руки.

1998

Есенинский бульвар

АБСОЛЮТНО НЕВЫДУМАННАЯ ПЬЕСА ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ СИДОРА ИВАНОВА

Ночь. Кровать. Вздохи.

Она:

— Ты мое счастье. Я тебя люблю.

Он:

— Я тоже.
Она:
— Еще, еще, еще...
Он:
—
Она:
— Еще, еще, еще...
Он:
—
Она:
— Ты мое счастье. Ты меня отключаешь. Я тебя люблю,
Андрюшка...
Занавес.

16.05.1999
Замоскворечье

СИДОР ИВАНОВ И ЛАРИСА

Сидор Иванов и Лариса Шумская работали в журнале. Обозревателями.

На одной редакционной вечеринке они танцевали, и вдруг — при всех, открыто, страстно! — стали целоваться, хотя ранее никогда подобными глупостями друг с другом не занимались. Потом Иванов внезапно остановил этот процесс. Как будто кто-то прочертил между ними невидимую границу.

Они остались друзьями. Странными, преданными друг другу друзьями разных полов. Лариса приезжала к Сидору домой и готовила поесть, мыла окна, стригла его, критиковала его возлюбленных. Сидор давал ей подзаработать на рекламных материалах, подкидывал клиентов для заказных статей, водил на различные вечеринки, приглашал на party, которые иногда устраивал у себя дома. На одном из таких раутов она познакомилась со своим будущим мужем, богатым банкиром.

Брак оказался счастливым. Дом — полная чаша. Двое детей. Благополучие. Но она все равно по-прежнему звонила Сидору, рассказывала ему все о своей семейной жизни, иногда приезжала к нему, чтобы постричь его, опять критиковала его возлюбленных. Сидор по-прежнему оставался холостяком.

Однажды в гости к Сидору приехал его товарищ, фотограф Олег. Выпили, разговорились. Как водится, начали костерить женщин, которые, по словам Олега, необходимы только для одной цели — воспроизводство рода. Никаких других дел с ними, дескать, вести нельзя.

— Это ты зря, — ответил Сидор, — один из самых близких моих друзей — женщина. Это настоящий, прекрасный человек.

И рассказал Олегу о Ларисе.

Олег задумался, выпил еще рюмашку и сказал:

— У Ларисы — душевная травма. Ты ею в свое время пренебрег как женщиной. Это не дает ей покоя уже много лет. И вся ваша дружба выдуманная. Ее цель проста — влюбить тебя в себя. Как только это произойдет — ты перестанешь ей быть интересным. Короче говоря, как только вы переспите — вы расстанетесь.

Иванов не согласился с Олегом, но и доказывать ему ничего не стал.

17.05.1999

Ст. Партизанская

ОПЯТЬ ПРО СИДОРА ИВАНОВА И ЛАРИСУ

Многие годы Иванов и Лариса «дружат» по телефону. Они обсуждают все на свете, служа друг другу своеобразными психотерапевтами. Иногда Иванов и Лариса размышляют вслух и про «это».

— По-моему, — сказал однажды по телефону Иванов Ла-

рисе, — каждый современный мужчина хочет в жизни только секса и денег. Точнее, он хочет только секса. Деньги ему нужны только для того, чтобы заниматься сексом. Старикашка Фрейд бессмертен.

— А работа? Разве это не третий стимул? — спросила Лариса.

— Работа тоже нужна мужчине для того, чтобы иметь секс. Начальнику производство не интересно абсолютно. Ему интересна возможность повелевать коллективом, в том числе и женщинами. У женатого мужчины нет другого пути заинтересовать женщину. Он должен простимулировать ее материально. Обеспечить возможность заработка, зачастую дополнительного. И делается это, разумеется, не бескорыстно. По моему мнению, вообще работа в коллективе — это сексуальный акт. Директор фирмы имеет своего зама, зам — начальника отдела, начальник отдела — мелких клерков. И так дальше. В свою очередь директора фирмы имеют заказчики и городские власти. Все имеют всех. В сфере производственных отношений — сплошные бисексуалы. На планерках в трудовых коллективах страшно находиться. Картина печальная. Во главе угла — самец-начальник, вокруг красивые «телки» и женоподобные мужики, притворившиеся евнухами. Если не притворятся — их уволят. Начальник-самец должен иметь всех и устранять конкурентов. Начальник обязан быть половым гигантом. Даже если он им не является. Я вспоминаю своих друзей-журналистов, которые стали главными редакторами. Как только они дорывались до власти — тут же менялся их стиль поведения, их взгляды, лица...

— Лица? — робко уточнила Лариса.

— Именно лица. Это не досужие выдумки, что лицо — зеркало души. Тишайшие обозреватели, встав у руля изданий, на моих глазах превращались в сексуальных психопатов, из глаз которых сочилась сперма. Они начинали трахать и трахают до сих пор всех подряд в своих редакциях. И дело даже не в том, что им этого хочется. Надо соответст-

воват должности. Начальник — самец, вожак стаи. Он обеспечивает стае прокорм, имея за это всех самок, какие только в стае есть. Фаллос в данном случае просто один из инструментов управления. Если начальник в России перестает спать со своими сотрудницами — это дурной для него признак. Значит, в скором времени власть может перейти к другому. Согласна?

— Согласна, — ответила Лариса, — я, слава Богу, сейчас сижу дома, муж обеспечивает. Но как вспомню свой производственный опыт, так вздрогну. Никогда начальников не интересовало качество моей работы, все просто хотели затащить меня в койку.

— Кстати говоря, модель производственных отношений легко переносится и на семью. Чем больше я изучаю современный институт брака, тем прихожу все к более и более неромантическим выводам. Брак — это захват желанной территории более сильным и напористым участником союза. Поэтому, скажем, браки между москвичами не так прочны. Более жизнеспособны браки между москвичами и иногородними. У москвичей есть до сих пор не отмененная прописка, сиречь возможность выжить в России, ибо в других регионах таких возможностей значительно меньше — восемьдесят процентов российского капитала находится в столице, а у провинциалов есть напор, натиск, энергия. Коренные москвичи ленивы, инертны. Главный вопрос жизни — вопрос крыши над головой на хорошей территории — за них решили родители. Детки могут почивать на лаврах.

Самое печальное в этом — нечестность. Нечестность людей перед собой и Богом. Мы принимаем за Любовь обычный расчет, жажду выжить. Но не жить.

— Это происходит, наверно, и оттого, что в нашей стране каждое поколение должно решить сверхзадачу. Решить вопрос крыши над головой. Многие десятилетия жилье не передавалось из поколения в поколение, как в цивилизованном мире. Отсюда — деформация в сознании. Отсюда — пятиэтажные — зачастую недостроенные, пустующие! —

особняки на шести сотках. Крыши над головой нет до сих пор у многих. Крыша по-прежнему едет у всей страны. И не понятно, что будет дальше? И что нам всем делать?

— До тех пор, пока есть возможность, сиди, Лора, дома. Не ходи на работу. Холь, лелей себя и мужа. Он — замечательный, энергичный провинциал. В Москве выживают самые стойкие. Ты за ним как за каменной стеной. И я не представляю тебя с другим.

— Я тоже, — сказала Лариса.

И собеседники перешли на другие темы.

21.03.1999

Есенинский бульвар

УДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СИДОРА ИВАНОВА

В конце девяностых Иванов жил один. В просторной трехкомнатной квартире кирпичного девятиэтажного дома Министерства обороны. Ходил в халате и курил трубку. Иванов работал обозревателем двух газет. На службе появлялся редко — писал тексты в основном дома. Их печатали — денег хватало. Женщин Иванов менял, как перчатки. Наглый, избалованный, капризный. Иногда он даже скрывался от своих пассий.

— Можно, я приеду? — спрашивала Н.

— Нет, нет, — решительно отвечал Иванов, — я занят.

— Ну хотя бы на полчаса. Только тебя поцеловать.

— Не могу. Я к тому же неважно себя чувствую...

Когда Иванову надоедала городская жизнь — он уезжал на дачу и стриг там газон, топил в холодные дни печку. Когда надоедала дача, возвращался в Москву, делал на собственном ризографе малотиражные книжки, которые потом дарил друзьям.

Иванов добился всего, чего хотел. Желаний больше не было. Квартира, дача, мини-типография, «Ниссан» в гараже, женщины... Он имел все. И понял, что это тупик, омертвление, кри-

зис, крах. И он задумал сделать над собой эксперимент: отказаться — временно! — от достигнутого и начать жизнь с нуля.

Иванов сдал квартиру и переехал к родителям. Он стал жить в одной крошечной комнатенке вместе с племянником.

Через две недели пассии Иванова забыли о нем напрочь. Он перестал их интересовать как носитель определенных благ. Он стал бесперспективен. Встречаться с подругами Иванову стало нигде. Он перестал быть субъектом на рынке личной жизни. Он выпал из привычной колеи. Иванову стало грустно. Бешеная чертовка-плоть напоминала о себе ежесекундно. Иванов понял, что это значит — хронический сексуальный голод. Все свое нереализованное либидо Иванов направил на бизнес, стремясь в кратчайшие сроки решить — по новой! — квартирный вопрос, точнее — вопрос с личной жизнью. Иванов уходил на работу в 7.30 — возвращался к десяти. Ел и тут же ложился спать. Ночью ему снились фантасмагорические эротические сны.

Иванов усиливал обороты. Он стал экономить каждый рубль, брался за любой рекламный заказ, ждал, как манна небесная, дней выплаты денег за квартиру, перестал давать деньги бывшей жене на содержание ребенка. Каждый день он покупал газету «Из рук в руки», иска там дешевые квартиры. И даже начал вступать в торг с продавцами жилья, не имея и половины необходимой суммы для покупки самой скромненькой халупы. Иванов развил дикую, нечеловеческую энергию. И стал зарабатывать в десятки раз больше, чем раньше. И — не чудо ли? — цены на московскую недвижимость стали стремительно снижаться.

Иногда Иванову все-таки звонила одна дама, Жанна Соловьева, приглашала к себе в гости. Иванов отказывался. Он знал, что если у него будет возможность заниматься любовью, все стимулы для покупки жилья исчезнут.

Через два года Иванов купил новую квартиру. И опять стал менять женщин, как перчатки.

14.05.1999
Замоскворечье

КАК СИДОР ИВАНОВ НА РАБОТУ УСТРАИВАЛСЯ

С работой Сидору Иванову не везло. Зато везло с друзьями. Все после августовского кризиса его хотели куда-то устроить. Однажды Иванов случайно встретил на улице свою подругу Катю. Катя была замужем за крутым бизнесменом, сидела дома, воспитывала малютку-дочь, а раньше прозябала вместе с Ивановым в одной бедной демократической редакции. Узнав, сколько Иванов получает, Катя решительно сказала:

— Вот тебе телефон Бориса Исааковича, он заместитель главного редактора газеты «Русская отчизна», ему нужны корреспонденты. Оклад — штукарь бачей. Не забудь передать привет от нашей семьи. Мы его друзья.

На следующий день Иванов, созвонившись с Борисом Исааковичем, предстал пред его светлые очи.

— Рассказывайте! — отчеканил заместитель главного редактора.

Иванов достаточно бегло изложил свою путаную биографию, делая упор на то, что долгие годы был обычным московским газетчиком.

— Мы согласны, — неожиданно быстро сказал Борис Исаакович, — Вы нам подходите.

Иванов растерялся. Его берут на тыщу баксов? Без всяких резюме? Без испытательного срока? Без родственного блата, просто по рекомендации приятелей?

Счастливый, Иванов спросил:

— А в какой отдел Вы меня берете?

— Как?! — удивился Борис Исаакович. — А Вам разве не сказали? Нам нужен собственный корреспондент в Чечне.

С тех пор, когда Иванову предлагали оклад в тысячу долларов, он даже на собеседования не ходил.

1999

Есенинский бульвар

ГЛАЗА СОВСЕМ ИНОГО ЦВЕТА

1

Иванов привык не верить злым и злобным словам. Он понимал, насколько они смешны и в чем-то даже роскошны, особенно если их говорит любимый человек.

Тот, кто читал Леопольда Мазоха, обязательно прочтет маркиза де Сада.

Тот, кто во время нежной страсти говорит: «Ударь, шлепни меня сильнее!», ударит — как только появится случай — сам. И не в постели. В повседневной жизни. Ударит и словом, и делом. А, может быть, и ножом.

Иванов знал, что любовь — это вирус, тяжелое заболевание. Но Иванов также знал, что это заболевание излечимо. В конце концов, человек любит прежде всего себя самого, а также ту сумму положительных эмоций, которые ему дает другой человек. Если не дает — начинается поиск иного индивида, на которого можно выплеснуть свои чувства.

Глупцы ищут всю жизнь. Мудрецы не ищут, а находят. И двигаются не вширь, а ввысь. По вертикали.

Когда возлюбленная Иванова — юная Эсфирь — сказала ему, что «все кончено» и «меж ними связи больше нет», Иванов не удивился. Он не воспринял ее слова всерьез. Наоборот, он понял, что их отношения еще будут долго развиваться. Иванов хорошо представлял садомазохистские склонности Эсфири и понимал, что он для нее — очень подходящий объект для экспериментов и самопознания.

Иванов знал правила игры Эсфири. Они ему не нравились. Но он был защищен. Опытном, проседью в висках, своей способностью анализировать ситуацию, книгами своих собратьев по духу.

2

Иванов лежал на диване и читал поэта и философа Константина Кедрова.

«...даже в земной жизни мы часто не умеем радоваться.

Зато очень склонны страдать. «Живите и радуйтесь», — сказал Христос. Физиологи даже говорят о существовании в мозгу двух зон: Ада и Рая. Включаются они по очереди, и человека бросает то в жар, то в холод. Впрочем, давайте вспомним, при каких обстоятельствах чередуются контрастные режимы. Ну да! Это делается при закалке стали. В природе нет ничего бессмысленного.

Зло должно оставаться только во внешнем мире, не проникать в душу. «Тьма внешняя» — это есть Ад, изгнанный из души. «Все прощать» и «не помнить зла» могут только великие подвижники и святые. Все думают, что вечная жизнь где-то далеко от нас, в безграничных далях Вселенной. На самом деле она даже не рядом с вами, а внутри вас.

Человек — существо странное. Он многое не может: не видит в темноте, как кошка, не бежит даже со скоростью кенгуру, не слышит ультразвук, не летает, как птица, не живет в воде, как рыба; но зато он может жить в вечности уже сегодня, если захочет. Для этого у него есть два дара. Дар видеть добро и зло и второй, гораздо более важный, — дар выбирать добро. Первое приносит человеку страдание и выводит его к чистилищу. Второе дает ему Рай уже на Земле.

Жизнь на Земле — это акклиматизация к вечности».

Раздался телефонный звонок. Иванову позвонила его соседка по даче Ирочка. Она начала рассказывать о своих проблемах в личной жизни.

— Ты понимаешь, мужчины и женщины, по-моему, никогда не найдут общего языка. Мы прилетели с разных планет. Во всяком случае, у меня что-то нет никаких перспектив. Летом у меня были проблемы с одним мужчиной. Он стал меня напрягать. Я отказалась от него и перекинула свои эмоции на другого. Он принял мои правила игры. Но теперь меня напрягает и он. Ужасно, что все всегда одно и то же. Полной гармонии нет. Видимо, нужно, чтобы кто-то был сильнее и мудрее, только тогда чувство между двумя людьми может выжить. Я уже готова быть ведомой, потому что не хочу, как пони, бегать по кругу.

Иванов не стал рассказывать Ирочке про Эсфирь, а предложил: «Хочешь, я прочту тебе по этому поводу стихи Северянина?»

— Конечно, — ответила Ирочка.

Иванов пошел в другую комнату, достал с полки томик Игоря Северянина. И начал декламировать.

Сколько раз бывало: эта! эта!

Не иная. Вот она, мечта!

Но восторг весны сменяло лето,

И оказывалось — нет, не та...

.....

.....

.....

.....

Пусть не долго — все-таки родными

Были мы и счастье берегли,

И обычное любимой имя

Было лучшим именем земли!

А потом подруга уходила, —

Не уйти подруга не могла.

Фимиам наваяло кадилью,

Струйку свеяла сырая мгла...

И глаза совсем иного цвета

Заменяли прежние глаза,

И опять казалось: эта! эта!

В новой женщине все было — за!

И опять цветы благоухали,

И другое имя в этот раз

Золотом сверкало на эмали,

Вознесенное в иконостас!

— Хорошее стихотворение, — сказала Ирочка. — Видимо, в самом деле мы любим только самих себя. И сами себе придумываем любовный иконостас.

— Его легче придумать, когда любишь человека творческого. Я, например, всегда боготворил женщин созидающих. Художниц и балерин, поэтесс и журналисток... Просто

красивая женщина неабсолютна, ибо красота конечна.

— Но талант тоже конечен.

— От таланта остаются плоды. Ими восхищаются вне зависимости от времени. Впрочем, красота — это тоже талант. Пушкин это понимал.

— А как у тебя дела? — спросила Ирочка.

— Нормально, — не соврал Иванов, — только работы много. В отпуске не был два года. Очень хочу отдохнуть.

— Куда поедешь?

— Наверное, в Испанию. Все хвалят.

— Я, наверное, тоже в Испанию поеду. Только не знаю — с кем. Слушай, а, может быть, махнем вместе?

— А почему бы и нет? — игриво расхохотался Иванов.

И они договорились, что будут созваниваться чаще.

14.01.2001

Есенинский бульвар

СОДЕРЖАНИЕ

I. НАСЕЛЕНИЕ НАШЕГО ГОРОДА

Население нашего города	4
Котя	5
Лешка, писатель	6
Андрюха, банкир	7
Лера, возлюбленная	10
Боб, издатель из Кентукки	13
Ответный визит	16
Светланка, любительница иностранцев	20
Генка, Сан Саныч, Ян Амос и др. борцы с зеленым змием	22
Сан Саныч, герой-алкоголик	30
Ира, белая герла	33
Вася, дачник	37
Татьяна Петровна, масонка	42
Арсеньев, враг шпионов	44
Семен Семенович, философ	50
Лолита, балерина	55

Сергей, угонщик «Мерседесов»	58
Женя, интервьюер «звезд»	61
«Мар хабар» по-арабски значит «здравствуй»	66
Аришка, невеста из Питера	78
Решение жилищного вопроса	85

II. НАСЕЛЕНИЕ ДРУГИХ ГОРОДОВ

Как я работал гидом в Европе	94
В лучших домах Филадельфии	100
Последняя парижская электричка	105

III. ИЗ РАССКАЗИКОВ ПРО СИДОРА ИВАНОВА

Сидор Иванов вернулся на Родину	110
Сидор Иванов и Галина	111
Партнеры Сидора Иванова	111
Сидор Иванов и Вика Буданова	112
Сидор Иванов и Аня Кривова	112
Сидор Иванов и пианистка	112

Сидор Иванов и Юлия	113
Сидор Иванов и Жанна	114
Сидор Иванов и незнакомка в метро	115
Возраст	116
Сидор Иванов и армяне	117
Сидору Иванову тридцать пять лет	118
Идет как-то Сидор Иванов с главным масоном	120
Иванов и Петров	120
Про Сидора Иванова и Михаила Белова, или Бумеранг	122
Абсолютно невыдуманная пьеса из личной жизни Сидора Иванова	125
Сидор Иванов и Лариса	126
Опять про Сидора Иванова и Ларису	127
Удачный эксперимент Сидора Иванова	130
Как Сидор Иванов на работу устраивался	132
Глаза совсем иного цвета	133

Евгений Викторович Степанов
«Ира, белая герла», рассказы

Редактор — Н.С. Сироткин
Верстка — А.А. Глазов, А.А. Денисов,
Е.Б. Баранов, Т.А. Иванова
Макет обложки — Е.Б. Баранов
Корректор — А.А. Денисов

Бумага офсетная
Печать офсетная
Гарнитура PetersburgC
Тираж 1000 экз.
Сдано в набор 25.05.2005 г.
Подписано в печать 25.02.2006 г.

Издательство «Вест-Консалтинг»,
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок,
д. 2, стр. 3, оф. 333.
тел. (495) 743-79-25, тел./факс (495) 203-06-41.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.

РЕКЛАМА

Издательская компания и типография Евгения Степанова
«Вест-Консалтинг»
предлагает следующие услуги:

- создание и сопровождение Web-сайтов;
- выпуск книг, газет, журналов, буклетов, карманных календарей тиражом от 1 экземпляра;
- восстановление раритетных книг и фотографий;
- изготовление визиток;
- сканирование на профессиональном оборудовании;
- офсетная печать;
- тиражирование на ризографе;
- термопереплет;
- тиснение золотом;
- консалтинг;
- PR;
- проведение выставок, презентаций, пресс-конференций, семинаров.

В нашей фирме трудятся профессиональные кадры Москвы.
Мы выполняем работы на собственном полиграфическом
оборудовании!

Наши цены ниже, чем у конкурентов.

Наши координаты:

Тел.: 203-06-41

факс: 203-06-89

<http://www.west-consulting.com.ru>

E-mail: info@west-consulting.com.ru

РЕКЛАМА

«Футурум АРТ» — единственный в России авангардный литературный журнал.

Создан в 2000 году. В журнале печатаются такие авторы, как Анна Альчук, Сергей Бирюков, Александр Бубнов, Татьяна Грауз, Николай Грицанчук, Феликс Филипп Ингольд (Швейцария), Рафаэль Левчин, Ры Никонова, Вилли Мельников, Юрий Милорава, Арсен Мирзаев, Константин Кедров, Елена Кацюба, Юрий Орлицкий, Юрий Проскуряков, Сергей Сигей, Вальтер Тюмлер (Германия), Александр Федулов, Элана и многие-многие другие.

Журнал опубликовал неизданные стихотворения Алексея Кручёных, Тихона Чурилина и других классиков авангарда.

Периодичность — 4 номера в год.

Основатель и главный редактор — Евгений Степанов.

Журнал можно приобрести в Москве в следующих магазинах:

1. Фаланстер (Б. Козихинский переулок, д. 10).
 2. Лавка Литературного института (Тверской бульвар, д. 25).
 3. ОГИ (Потаповский переулок, д. 8).
- В Санкт-Петербурге:
1. Дом книги (Невский проспект, д. 62).
 2. Галерея «Борей» (Литейный проспект, д. 58).

РЕКЛАМА

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году и посвящен современному литературно-художественному процессу. В первую очередь редакция представляет художников (в широком смысле слова), живущих вне столиц России, а также за пределами страны.

Журнал издают Элла Бурдавицына и Евгений Степанов.

Периодичность — 12 номеров в год.

Каждый номер посвящен одному городу (региону) или стране.

Вышли номера, посвященные Саратову, Санкт-Петербургу, Нью-Йорку, Германии, Владивостоку, Удмуртии, Новосибирску, Самаре, Калуге, Ирландии, Финляндии, Тамбову, Обнинску и другим городам и странам.

РЕКЛАМА

Журнал визуальной поэзии «**Другие**» — новый проект издателя-главного редактора Евгения Степанова.

Шеф-редактор — Юрий Проскуряков.

В 2005 году вышел один номер, где были напечатаны работы Наталии Азаровой, Бориса Гринберга, Алексея Даена, Елены Кацюба, Константина Кедрова, Эдуарда Кулемина, Рафаеля Левчина, Сергей Сигея, Джованни и Ренаты Страда, Александра Федулова, Эланы и многих других признанных мастеров жанра.

В 2006 году будет выпущено 2 номера журнала.